

1907 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№ 3.

СЦЕНА

И

ЖИЗНЬ



С. ПЕТЕРБУРГА.



СЦЕНА И ЖИЗНЬ



Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стихотвореніе „Сцена и Жизнь“—Апулея; „Кумиръ“—романъ Н. Н. Брешино-Брешиовскаго; „Въ чаду“—разсказъ Н. Димова; „Воспоминанія артиста“—А. З. Бураковскаго; „Передъ мучительной загадкой“—Лавра Пуговишнина; „О дамѣ сверхъ-нервной“—П. Вейнберга; Театральное Эхо; Театры:—Михайловскій, Александринскій, Малый—В. Блохина; Наши интервью: съ Ф. И. Луцинымъ—М. К.; съ М. И. Разсудовымъ—Е. К.;

Открытіе театральнаго клуба—И. Давидова; Театральная хроника; По Россіи; Малая Сцена; „Кафешантанныя силуэты“—Евгенія К.; Объявленія. Портреты: М. Ф. Кшесинской; Е. А. Смирновой; В. И. Трефиловой; Рисунки и заставки художниковъ: В. И. Келлина, С. Шевченко, А. К. Эберлинга, И. М. Грабовскаго и др.

СТИХОТВОРЕНІЕ АПУЛЕЯ.

Сцена и Жизнь.

Было время... Жизнь текла,
Какъ потокъ въ странѣ нагорной,
То прозрачнѣ стекла,
То чернѣе ночи черной!..
Зависть, ненависть и ложь,
Честолюбіе и злоба
Надъ людьми царили сплошь
Отъ рожденія до гроба!
Все, достойное стыда,
Все, достойное презрѣнья,
Убѣгло отъ суда
Человѣческаго мнѣнья...
И тогда-то Аполлонъ
Вдохновенно создалъ сцену,
Посадивъ на чудный тронъ
Молодую Мельпомену!
Жизнь встряхнулась... Мутный взоръ
Позабылъ про сонъ тяжелый!
Сцена стала съ этихъ поръ
И судилищемъ и школой!..
Единеніе и связь
Мощно въ людяхъ появились!
Жизнь въ искусство облеклась
И на сценѣ отразилась!

Кумиръ.

(Романъ изъ жизни борцовъ атлетовъ).

ГЛАВА I.

За этой горящей лампіонами аркой вогорѣ лѣтняго сада начиналось царство Тампіо.

Тампіо—всюду...

Вотъ, у кассы большой плакатъ съ его изображеніемъ. Улыбающійся, розовый Тампіо демонстрируетъ свои мускулы... Обнаженная грудь его вся увѣшана медалями, жетонами, лентами. Надпись: «Робертъ Тампіо, непобѣдимый чемпионъ міра».

Дальше, на перекресткѣ обсаженныхъ чахлыми деревцами дорожекъ, витрина съ фотографіями Тампіо. На одной—онъ поднимаетъ рукою пять человѣкъ, поднимаетъ шутя, съ безпечной улыбкой. На другой,—весь костюмъ его заключается въ фиговомъ листкѣ, — Тампіо, подобно Геркулесу Фарнезскому, держитъ въ рукахъ здоровенную дубину. На третьей, сложенный, какъ греческій богъ, Тампіо опрокидываетъ въ схваткѣ тучнаго, безобразнаго, какъ горилла, богатыря Самсона.

Рядомъ, въ кіоскѣ, блѣдная, худенькая барышня торгуетъ открытками съ Тампіо. Въ разныхъ костюмахъ, то одинъ, то съ борцами,—повсюду онъ—красивый, ловкій, отважный,—тріумфаторъ...

Въ ожиданіи борьбы слоняются по саду поклонники и поклонницы непобѣди-

мага борца. И на всѣ лады, со всѣми отгѣнками, разными голосами, повторяютъ они одно и то-же имя:

— Тампіо! Тампіо!

И кажется, что тихій шелестъ березокъ повторяетъ вмѣстѣ съ ними:

— Тампіо!

Одинъ кафе-шантанный композиторъ сочинилъ въ честь Тампіо маршъ. Каждый вечеръ подъ его звуки борцы дефилировали передъ публикой.

Всю эту международную фалангу велъ за собой Тампіо.

Его встрѣчали громомъ рукоплесканій, подносили ему цвѣты, драгоценности, букеты изъ сторублевокъ.

Любимецъ и баловень, онъ все это принималъ, какъ должное. Къ цвѣточнымъ подношеніямъ Тампіо относился презрительно.

За два мѣсяца ежедневной борьбы онъ ни разу не появлялся въ одномъ и томъ же трико. Онъ мѣнялъ цвѣта, какъ хамелеонъ.

Красный, какъ пламень, Тампіо выходилъ на завтра въ темно-кофейномъ, голубомъ, оранжевомъ, блѣдно-розовомъ, желтомъ, вишневомъ, зеленомъ, фисташковомъ и т. д. до безконечности.

Сегодня ярче горѣли цвѣтные лампіоны входной арки. Сегодня бойчѣй шла торговля открытками.

Сегодня садъ почернѣлъ отъ публики и трудно было двигаться въ густой толпѣ.

Сегодня бенефисъ «непобѣдимаго чемпиона міра Тампіо». Сегодня онъ бо-



рется съ двумя серьезными противниками: мавромъ Гассаномъ и «новгородскимъ великаномъ Сидоровымъ».

Музыка грянула маршъ. Конечно, это былъ маршъ «Тампю». Борцы въ ногу прошли разъ-другой по сценѣ и остановились полукругомъ. Цѣземистый, плечистый студентъ-глашатай представилъ ихъ поочередно публикѣ. Бенефицианта онъ умышленно приберегъ на послѣдокъ:

— Тампю. Россія. Чѣмпіонъ міра...!

Громъ рукоплесканій, подношенія.

Цѣлая оргія подношеній. Врядъ—ли балеринъ когда-либо чествовали такими пышными корзинами.

Цѣлый ювелирный магазинъ—футляры съ кубками, булавками, перстнями, подстаканниками, запонками. Серебро, золото, брилльянты, жемчугъ...

Однѣ руки, нѣсколько паръ ихъ, подавали все это изъ оркестра, другія уносили за кулисы.

Театръ бѣсновался. Оглушительные взрывы рукоплесканій прорѣзывались тоненькими женскими голосами:

Тампю! Тампю!

А кумирь-бенефициантъ какъ—то по-особенному, по своему изгибая торсъ, кланялся во всѣ стороны съ побѣдной, торжествующей улыбкой.

Борцы ушли... На зеленомъ коврѣ остался одинъ лишь студентъ. Мѣрными шагами онъ приблизился къ рампѣ и, коснувшись рукою фуражки, зычнымъ голосомъ произнесъ:

— Въ виду серьезности предстоящей борьбы бенефицианта съ мароккскимъ чѣмпіономъ, я покорнѣйше просилъ бы почтеннѣйшую публику воздержаться отъ восклицаній...

Каждое слово способствуетъ нервному раздраженію борца.

Онъ вновь коснулся фуражки и отошелъ въ глубь сцены.

Браво, Гусевъ, браво!

Студентъ раскланялся. Онъ глянулъ въ одну сторону кулисъ и вызвалъ:

— Тампю!

Глянулъ въ другую:

— Гассанъ!

Борцы сошлись. Чтобъ не оставалось больше никакого сомнѣнія, Гусевъ, указывая на нихъ рукою, повторилъ:

— Тампю... Гассанъ...

Затѣмъ онъ пронзительно свистнулъ въ висѣвшій на груди свистокъ. Это было сигналомъ начала схватки.

Гассана тоже любили. Правда, онъ пользовался симпатіями главнымъ образомъ демократической публики. Но симпатіи отличались прочностью. Курчавый, бронзовый мавръ съ молодымъ, безусымъ и безбородымъ лицомъ былъ выше Тампю на голову.

Глаза со сверкающими бѣлками, какъ у хитраго умнаго звѣря, слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ Тампю. Обмануть Гассана было трудно. Тампю кидался на него, желая сбить съ толку, затуманить какимъ-нибудь фальшивымъ приѣмомъ, но гибкій и ловкій мавръ ускользалъ невредимымъ.

Бронзовый Гассанъ въ темно-коричневомъ трико и свѣтлый блондинъ Тампю въ золотистомъ,—представляли рѣзкій, любопытный контрастъ. Бенефициантъ отлично зналъ это и въ борьбѣ съ мавромъ всегда надѣвалъ золотистое трико.

Боролись они оба прекрасно, но каждый по своему. Тампю ни на минуту не забывался. Онъ желалъ на себѣ, главнымъ образомъ, сосредоточивать вниманіе публики. Онъ превращался въ одно сплошное мелькающее движеніе...

За стремительнымъ приѣмомъ слѣдовалъ новый, еще стремительнѣй. Тампю вертѣлся, прыгалъ, мелькалъ, кружился мельницей, винтомъ, строилъ пируэты, мосты, уходилъ съ нихъ, опять строилъ. Его изумительная акробатическая ловкость поражала всѣхъ.

Страстный африканецъ боролся темпераментомъ, темпераментомъ дикаря. Онъ меньше всего заботился о производимомъ на публику впечатлѣніи. Школу ему замѣняла сильная, пластичная мускулатура, увертливость ящерицы и упругая цѣпкость пантеры.

Всѣ шестьдесятъ девять приѣмовъ, такъ называемыхъ «приемовъ Тампю», разбивались о страшную неуязвимость африканца.

Изъ самыхъ рискованныхъ моментовъ,—вотъ—вотъ лежитъ на обѣихъ лопаткахъ,—оба выходили благополучно. И напряженная тишина смѣнялась взрывомъ рукоплесканій.

Студентъ умоляюще приподнималъ фуражку. Это значило:

— Ради Бога не шумите, не раздражайте борцовъ...

Около этой пары, то сходящейся грудь съ грудью, то сплетающейся въ темно-золотистый клубокъ, то распростертой на коврѣ, Гусевъ въ рискованныя мгновенія замиралъ со свисткомъ на готовѣ.

Гассанъ былъ спокоенъ. Онъ словно игралъ все время съ Тампю. Его скуластое съ приплюснутымъ носомъ лицо раплывалось въ забавную гримасу улыбки, и сверкали бѣлые, крѣпкіе зубы.

А Тампю обрушивался на него цѣлыми каскадами неустанныхъ и быстрыхъ нападеній.

Только иногда африканецъ горячился и бросалъ противника на стулья членовъ жюри, заставлялъ его пятиться къ ор-

кестру. Но эта горячность скоро погасала, и онъ былъ снова ровенъ, спокоенъ, неустойчивъ.

Уже схватки продолжались пятьдесятъ минутъ. Разгоряченный Тампю былъ потный, красный, злой и задыхающійся.

Временами онъ самъ себя давалъ передышку, поправляя трико и завязывая расшнуровавшийся башмакъ.

Публика раздѣлилась на два лагеря. Одни вѣрили въ побѣду Тампю, другіе—въ Гассана. Держались пари. Охрипшіе голоса кричали, спорили до изступленія, до бѣшенства...

На пятьдесятъ девятой минутѣ, совершенно неожиданно для всѣхъ—никто и не замѣтилъ, какъ это случилось,—Гассанъ лежалъ на лопаткахъ, и Тампю, съ жестокимъ и хищнымъ выраженіемъ своего лошадиного лица, придавливалъ его къ ковру...

Театръ грохоталъ, стоналъ. Побѣдителя устроили шумную овацію. Въ избыткѣ восторга на сцену кидали шляпы.

Гассанъ поднялся недоумѣвающий. Тампю протягивалъ ему руку, но африканецъ не отвѣтилъ на его пожатіе. Вызывали его почти такъ же много, какъ и Тампю, но Гассанъ не показывался больше.

Уже студентъ демонстрировалъ новую пару, а оваціи все не смолкали. Наконецъ затихло. Но по всему театру волной побѣжалъ веселый, громкій хохотъ.

Слишкомъ курьезнымъ и карикатурнымъ было сопоставленіе турка Османъ-Мамеда и японца Мацута.

Кирпично-красный турокъ съ бритой головой, безъ всякихъ признаковъ шеи, со складками на затылкѣ, громаднымъ животомъ и короткими ногами-обрубками, напоминалъ не человѣка, а чудовище.

— Побѣдитель всѣхъ турецкихъ чѣмпіоновъ — рекомендовалъ его публикѣ студентъ.

Если Османъ-Мамедъ былъ безобразно толстъ и тяжелъ, то японецъ отличался худобой феноменальной. Кости, туго обтянутыя сухой, пергаментной кожей.

Эта скелетообразная худоба потому особенно рѣзко бросалась въ глаза, что, торсъ Мацута былъ обнаженъ до пояса. Умные косые глаза его искрились какой-то затаенной насмѣшливостью. Слово Мацута знаетъ что-то свое, особенное, чего никто не знаетъ. Про этого маленькаго тщедушнаго человѣка, разсказывали чудеса, легенды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Н. Брешко-Брешковскій.





Въ чадѹ.

(Продолженіе).

IV.

Прошло двѣ недѣли. Евграфъ Петровичъ только-что окончилъ спѣшную работу и по обыкновенію предавался своимъ мрачнымъ мыслямъ: «Свинья я, а не человѣкъ... Зачѣмъ я поддался искушенію... Если бы я любилъ ее... А вѣдь душа моя полна одной Тамарой... Ей одной принадлежать всѣ помыслы мои... Чистое, невинное существо... Какъ я теперь подойду къ ней? Какъ я буду разговаривать съ нею? Какъ я ей въ глаза посмотрю?... Я даже не рѣшаюсь повидаться съ нею».

— Евграфъ Петровичъ! Васъ просятъ къ телефону...

— Кто?

— Отъ Синевыхъ.

— Сейчасъ... Кто говоритъ?... А, Тамара Аркадьевна!.. Слушаю... Евграфъ Петровичъ отъ волненія едва держалъ въ рукахъ телефонную трубку.

— Хорошо! — отвѣтилъ онъ въ телефонъ. — Я приѣду... Сегодня? Въ какомъ часу? Сейчасъ? Свободенъ ли я? Да, только-что освободился... Такъ я сейчасъ поѣду...

Черезъ двадцать минутъ онъ былъ уже у Синевыхъ.

Тамара вышла къ нему на встрѣчу. Она очень осунулась за это время. Большіе прекрасные глаза ея пылливо всматривались въ Евграфа Петровича. Ему казалось, что они проникли въ самую глубину души его и прочли его тайну.

— Вы были больны? — просто спросила его Тамара.

— Нѣтъ...

— Ну и слава Богу! А я уже стала безпокоиться.

Никакихъ вопросовъ онъ больше не услышалъ по этому поводу. Тамара не разпраши-

вала его, почему онъ такъ долго не приѣзжалъ... А прямо перешла къ дѣлу...

— За послѣднюю недѣлю я устроила вот какое дѣло. Газеты полны описаніями той нужды, которую испытываютъ оставшіеся бѣзъ заработка... Конечно, нужно помогать... Нужно уничтожить безработицу... А для этого нужно искоренить причины, вызвавшія ее... Но это вопросъ очень большой... Пока же нужно удовлетворить первую потребность: не дать возможности умирать людямъ съ голоду... для начала мы собрали десять тысячъ...

Евграфъ Петровичъ своимъ ушамъ не вѣрилъ.

— Какъ вы до этого додумались? — въ восторгъ взглянулъ онъ на дѣвушку...

— Да тутъ и думать нечего... Сколько писалось о нуждѣ безработныхъ.

— И другіе это читаютъ.

— Нужно читать и прочувствовать весь ужасъ того, что читаешь...

— Но другіе же этого не чувствуютъ...

— Къ сожалѣнію, чувствующихъ мало, а безчувственныхъ много...

— Какъ хорошо сказано! воскликнулъ Евграфъ Петровичъ и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ручку дѣвушки...

Тамара вся зардѣлась...

— Ради Бога, будьте осторожны... Вѣдь это у насъ не принято...

Евграфъ Петровичъ смутился...

Тамара не знала, какъ оправдаться передъ нимъ: — Не думайте, что это мнѣ непріятно... Господи, да я не то говорю... Я противъ этого... Я совѣмъ лично не раздѣляю такихъ взглядовъ... Но наши всѣ — совѣмъ другіе люди...

— Простите, я не хотѣлъ васъ оскорблять...

— Да развѣ вы меня оскорбили... Я ваша — ученица... Вы меня научили любить людей... Вы меня отучили отъ всѣхъ этихъ предрасудковъ и дѣленій на черную и бѣлую кость... Я

васъ нарочно попросила теперь приѣхать... Мы совершенно одни... Никто намъ не будетъ препятствовать... пойдемте въ кабинетъ къ отцу.

Голова кругомъ пошла у Коницына. Онъ никакъ не могъ освободиться отъ гнетущей его мысли.

«Что надѣлалъ?!.. Поддался увлеченію... Осквернилъ себя въ то время, какъ всю свою душу уже отдалъ этому дивному ребенку»...

— Садитесь въ кресло отца... Мои уѣхали на недѣлю въ Москву... Я осталась подъ присмотромъ тетушки, которая меня очень любитъ и балуетъ... Папа не особенно долюбиваетъ, когда мы съ вами ведемъ дебаты по политическимъ вопросамъ... А тетя, наоборотъ, находитъ, что въ этомъ меня не нужно стѣснять... Теперь мы можемъ о многомъ поговорить.

Тамара засыпала Евграфа Петровича рядомъ недоумѣнныхъ вопросовъ.

Взгляды у нихъ были почти одинаковы. Но были и пункты, въ которыхъ они не сходились. И въ концѣ концовъ поднимался самый ожесточенный споръ.

Такъ было и сегодня...

Они спорили долго.

Прошло уже болѣе часа. Подали обѣдъ. Тетушка пригласила Евграфа Петровича.

Бесѣда продолжалась и за обѣдомъ. Нина Сергѣевна (такъ звали тетушку) принимала тоже большое участіе въ разговорѣ и держала все время сторону Евграфа Петровича.

Послѣ обѣда онъ попросилъ извиненіе, такъ какъ долженъ былъ сейчасъ уѣхать: назначилъ въ конторѣ дѣловое свиданіе...

— Приѣзжайте къ чаю непременно сегодня! — сказала ему Тамара. Я васъ жду... Ради Бога! Я такъ соскучилась... Двѣ недѣли для меня показались вѣчностью... Даете слово?

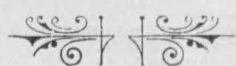
— Да...

— Смотрите же.

Коницынъ распростился и уѣхалъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Димовъ



„Театръ—отецъ, театр—мнѣ мать“.

(Воспоминанія за 50 лѣтъ артиста А. З. Бураковского).

(Продолженіе).

Служба въ Тифлисѣ для меня была не только пріятной, но и въ высшей степени полезной. Я тамъ былъ подъ руководствомъ такого режиссера, какъ покойный А. А. Яблочкинъ. Очень многомъ обязанъ я ему; это былъ большой талантъ.

Два года пробылъ я въ Тифлисѣ, и пачалъ тосковать по родинѣ. Сильно тянуло меня въ Питеръ. Сталъ хлопотать объ отпускѣ. Мнѣ его дали. Желая наградить меня, дирекція дала мнѣ бенефисъ, и я получилъ съ него 600 руб. Вотъ съ этимъ-то капиталомъ я и отправился въ Петербургъ въ нѣдры своего семейства—къ своимъ родителямъ, — которые уже примирились съ моею карьерой. Одному совершать такую дорогу скучновато; я пригласилъ къ себѣ въ компаньоны товарища по службѣ помощника режиссера Л—ра, про котораго Н. И. Арди написалъ такіе стихи:

Вотъ и помощникъ безпорядковъ:
Курносъ и глупъ—но егозить;
Онъ весь скроенъ изъ недостатковъ
И хоть онъ нуль, но ядовитъ.

Этимъ четверостишіемъ Н. И. Арди очень тонко и мѣтко охарактеризовалъ Л—мера.

Итакъ, по окончаніи зимняго сезона—мы въ первый же день Великаго поста — ночью выѣхали восточно-грузинской дорогѣ по направленію къ г. Поті. Доѣхали мы до этого порта безъ всякихъ приключеній, благополучно. Изъ Поті намъ предстояло выѣхать уже на пароходѣ по Черному морю въ г. Одессу.

Мы на пароходѣ; плывемъ спокойно, какъ вдругъ—къ ночи разыгрывается штормъ и тутъ мы оба, отъ сильнаго волненія, теряемъ всякое сознаніе, мучимые отъ морской болѣзни, и это плаваніе по Черному морю дѣлается намъ противнымъ. Но вотъ, наконецъ, пароходъ сталъ подходить къ молу—видна уже южная столица, Одесса. Какая картина, какая красота! И въ то время Одесса была уже красавицей. Остановились мы,—по тѣмъ временамъ, въ лучшей гостиницѣ, «Ришелье». Наступилъ вечеръ. Мы стали разспрашивать,—гдѣ есть въ Одессѣ какое нибудь интересное увеселительное заведеніе,—гдѣ-бы можно было вознаграждать себя послѣ бурнаго плаванія по Черному морю. Намъ отвѣтили, что есть превосходный садъ Петрова,—тамъ, дескать, прекрасная программа увеселеній и много красивыхъ женщинъ.

Отправились туда. Дѣйствительно, садъ хорошій, народу много; погуляли мы тамъ, довольные, жизнерадостные, а вышли оттуда грустные и убитые. Насъ обоихъ «обчистили». Мы изъ богатыхъ сразу обратились въ голыхъ, нищихъ. Идя домой въ гостиницу, задавали другъ-другу вопросы.

— Другъ! Товарищъ! Что-же намъ дѣлать?

— Ликвидировать недвижимое имущество,—отвѣчалъ я хладнокровно Л—ру.

Такъ мы и поступили. На другой день пошла

у насъ распродажа. Недѣлю жили на сюртуки, другую на пиджаки и брюки, а затѣмъ пошли въ ходъ жилетки, пальто, шляпы и проч. «товары», годные къ продажѣ. Стало чувствоваться, что имущество приходило къ концу. Деньги исчезли, и просвѣта въ дальнѣйшемъ не было видно.

Утромъ и вечеромъ посѣщали мы дешевый ресторанъ Кузнецова. Опъ выбранъ нами былъ, собственно, потому, что тамъ всегда возможно было встрѣтить кого-либо изъ актеровъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ тамъ познакомился я съ симпатичнымъ человѣкомъ, покойнымъ Павломъ Исаичемъ Вейнбергомъ. Это было въ началѣ 1869 года. Молодой, веселый, въ высшей степени интеллигентный, онъ въ ресторанѣ Кузнецова въ компаніи своихъ друзей разсказывая свои сценки, анекдоты, доводилъ каждого до истерическаго смѣха. Книгу его, которая была въ 80 годахъ издана имъ, я зналъ всю наизусть въ 1869 году. Не сдружись я съ П. И. Вейнбергомъ, мы-бы погибли въ Одессѣ съ Л—омъ. Денегъ у насъ уже не было никакихъ.

Мы рѣшительно не знали, что предпринять? Въ одинъ скверный вечеръ, идемъ мы оба въ ресторанъ грустные, печальные, сидятъ тамъ Вейнбергъ. Увидя насъ, онъ тотчасъ садится къ нашему столу. Долго вглядывался въ наши лица и замѣчаетъ, что у насъ что-то есть на душѣ.

— Братцы, что вы такіе кислые! Вы сейчасъ мнѣ паномипаете кошекъ, которыхъ водою окатили. Говорите, въ чемъ дѣло? Что съ вами?

— Ахъ, плохо, Павелъ Исаевичъ, очень плохо намъ становится съ Л—омъ. Изъ гостиницы скоро выгонять, а куда идти, рѣшительно не знаемъ.

— Да, вы обалдѣли! Побѣжайте въ Елизаветградъ. Тамъ труппа Милославскаго—какъ нибудь пристроитесь.

— «Побѣжайте!» Какъ это громко сказано! Побѣжайте,—а на какія деньги ѣхать-то?

— Стопъ! Я устрою вамъ проѣздъ безплатно.

— Какимъ образомъ?

— Не образомъ, а паровозомъ! Имѣйте въ виду, что желѣзная дорога на Елизаветградъ еще не открылась, но я васъ проведу на рабочемъ паровозѣ.

— Да, что вы Павелъ Исаевичъ? Развѣ это можно! Вѣдь такого закона нѣтъ.

— Что-о? Закона? Ахъ, ты Сашка-канашка! Еще актеръ, а говоришь «законъ!» А знаешь: «что намъ законы,—если судьи знакомы», — не бойся суда человѣческаго, а бойся суда Божьяго. Законъ дышло—куда хочешь—туда его и повернешь.— Это все китайскія пословицы. Собирайтесь завтра въ дорогу. Я васъ отправлю, и пожалуй, братцы, самъ съ вами побѣду, дамъ тамъ свой первый вечеръ—прочту свои еврейскія сцены.

Мы благодарили его. А на другой день, дѣйствительно, свершилось путешествіе наше на паровозѣ въ г. Елизаветградъ.

Всю дорогу Павелъ Исаевичъ утѣшалъ насъ своими остроумными разсказами, я слушалъ ихъ внимательно, и, обладая хорошей памятью, по приѣздѣ въ Елизаветградъ, тотчасъ-же купилъ записную книжку, и все, что осталось въ моей памяти, записалъ. Тутъ, въ Елизаветградѣ, памъ, молодымъ путешественникамъ, жились весьма плохо. Мы поселились въ одной изъ гостиницъ, хозяинъ которой былъ еврей; онъ очевидно чувствовалъ, что мы ему не заплатимъ, и поэтому онъ въ свою очередь притѣснялъ насъ до невѣроятности. Антрепризу держалъ Н. К. Милославскій; изъ выдающихся актеровъ у него были А. И. Самсоповъ, Максъ Шмидгофъ, Н. И. Николинъ и онъ самъ. Изъ женскаго персонала были: Воронина Ольга Николаевна, Стрепетова, Фабіанская и Дубровина, остальные же не представляли особаго интереса, и были только полезныя актрисы и хорошія работницы. Къ Н. К. Милославскому мы ходили, на дню по два, по три раза съ просьбой, дать намъ возможность, что нибудь заработать, и взять въ число членовъ его драматической труппы. Онъ все окупчивалъ общаніями, и, наконецъ, черезъ двѣ недѣли сказалъ:

— Ну, братцы, я кончилъ съ контрактомъ въ Екатеринбургѣ, тамъ скоро начнется ярмарка, я васъ принимаю на службу обоихъ. Здѣсь сыграете два, три спектакля, и затѣмъ я повезу васъ въ Екатеринбургъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)





Передъ мучительной загадкой.

Проходили десятки, сотни, тысячи лѣтъ...
Возрождались и падали государства, измѣнилась
культура, съ нею и зависимо отъ нея измѣня-
лись обичаи, отношенія, порядки между людьми...

Свобода, прогрессъ и великое социальное ра-
венство, казалось, стояли на порогахъ современ-
наго человѣчества...

Стояли!

Техническія усовершенствованія, искусства,
науки достигли, дѣйствительно, большихъ ступе-
ней, каждый день принося что-нибудь новое...
Лучшіе умы продолжали работать.

Но то, что даетъ въ сущности жизнь чело-
вѣчеству, выражаясь словами Шпелера—«го-
лодъ и любовь» — стояли передъ ними болѣ-
шими загадками. И если первая изъ нихъ все
таки обращала вниманіе, давъ цѣнныя изслѣдо-
ванія въ широкой области экономическихъ отно-
шеній между людьми, вторая оставалась достоя-
ніемъ однихъ лишь поэтовъ...

Въ двадцатый вѣкъ мы вступили съ тѣмъ же
баражомъ ненормальныхъ отношеній между муж-
чиной и женщиной, какія, можетъ быть, суще-
ствовали въ третьемъ и пятомъ вѣкахъ...

И все вмѣстѣ, и каждый индивидуумъ въ
отдѣльности, калѣблался на порогахъ своей созна-
тельной жизни.

Дѣти, вамъ рано понимать — отвѣчалъ
на разныя разспросы папаша-моралистъ.

Но ваше дѣло, вырастаете и узнаете
сами — кричалъ болѣе строгій.

А мать, «добрая какъ мать», ссылалась
на аиста или на старичка.

Дарвинъ гдѣ-то замѣтилъ, что чело-
вѣкъ вездѣ одинаковъ въ одинаковыхъ обстоятель-
ствахъ. Можетъ быть, хоть въ этихъ словахъ
и найдутъ себѣ небольшое оправданіе матери
Венды.

Рана, гноящаяся на тѣлѣ чело-
вѣчества, вскрыта Ведыкиндоу, подошедшимъ вплотную
къ страшной «стѣнѣ».

Еще много пройдетъ времени, еще много при-
бавится жертвъ, прежде, чѣмъ она будетъ по-
ройдена.

Да и будетъ ли она поройдена, наконецъ?

Четырнадцатилѣтняя дѣвочка должна носить
длинные платья, но не должна знать истины —
вотъ весь нравственный индексъ матери Венды.

Платьица тебѣ не идутъ, ты изъ нихъ вы-
росла, а вотъ аисты, только что принесшіе маль-
чика сестрѣ Ингъ, очень ксатати — приблизительно
думаетъ и говоритъ мать.

Убийственно здѣсь не то, что именно думаетъ
и дѣлаетъ мать, а что *такъ* думаютъ и дѣ-
лаютъ милліоны другихъ матерей.

Дѣвочка плачетъ, она не видѣла аиста, она
хочетъ разспросить трубочиста, — можетъ быть
видѣлъ хоть онъ — мать и тутъ явилась на по-
мощь: онъ *обманетъ или наговоритъ
глупостей*.

И Венда остается одинокой даже въ крити-
ческій моментъ, даромъ, что съ нею рядомъ лю-
бимая мать, которая даже теперь не подошла
ближе къ страдающей дочери, и на вопросы
последней: какъ все происходитъ? откуда и ка-
кимъ образомъ? произноситъ безсодержательныя
и пустыя фразы.

Чтобы имѣть ребенка, нужно быть замужемъ,
надо любить послѣдняго, *какъ нельзя ска-
зать*.

И это называется объясненіемъ, лучшимъ
объясненіемъ, какое могла придумать ей мать.

Истинникъ и природа потребовали своего,
когда было нарушено физическое равновѣсіе.
Поэзія смѣшалась съ гризью, и юная Венда
готовится быть матерью, сама не зная того.

Все попяла дѣвушка, когда было ужъ поздно;
такъ рано умирая, она шлетъ матери запоздалый
упрекъ: «зачѣмъ ты не сказала всего?»

— Аисты уже исчезли, мать шепчетъ что-то
о ребенкѣ.

Нереально, не жизненно — могутъ замѣтить.
Мыслимо ли дѣло, что совершая извѣстный
актъ, дѣвочка оставалась въ полнѣйшемъ не-
вѣдѣніи относительно его послѣдствій —

и будутъ задавать вопросы казенные моралисты.
Кромѣ Венды передъ страшной загадкой,
мучаясь сомнѣніями, стоятъ Ваня, Мельхиоръ
и Морисъ, и когда одинъ изъ нихъ, Мельхиоръ,
мечтаетъ надъ «Фаустомъ», надъ долей Мар-
гариты, заявляя матери, что не знаетъ книги
«большой красоты», а мать просятъ подождать
еще годикъ — другой, у мальчиковъ рождаются
новыя мысли: это мать имѣетъ въ виду исторію
съ Маргаритой и потому совѣтуетъ не читать.

Когда у Мельхио рана шла предосудительную,
съ точки зрѣнія «человѣковъ въ футлярѣ»,
рукопись, мальчикъ былъ выброшенъ изъ школы
и отданъ въ исправительное заведеніе. Тамъ

дисциплина, тамъ принципы, тамъ дѣйствительн
власть — утѣшаетъ себя и кого-то отецъ. И маль-
чикъ еще болѣе одинокій попрежнему остается
представленнымъ самому себѣ.

Все разгоравшаяся внутренняя борьба, под-
крепленная раннимъ безвѣріемъ и скептициз-
момъ, привела другого несчастнаго юношу прямо
въ объятіе смерти. Морицъ покончилъ съ собой.
Ваня живетъ, но едва-ли у кого вызоветъ за-
висть его судьба.

Бросая вызовъ господствующей морали, такъ
дорого покупающей право на власть, авторъ
«Весеннихъ побѣговъ», какъ поваторъ въ
этой области, — сплошь подавленной школой и
семьей — не намѣчаетъ путей, поясняя тѣмъ са-
мымъ трудность вопроса.

Правда, «никто въ черномъ», «закутанный
мужчина», при таинственной обетановкѣ клад-
бища, куда, вырвавшись изъ неправильнаго
заведенія, прибѣжалъ Мельхиоръ, говоритъ по-
слѣднему: продуктомъ двухъ движущихъ чело-
вѣчество силъ являются: «я хочу» и «дол-
женъ»; вытекающая изъ природныхъ особенностей,
они прежде всего имѣютъ право на существова-
ніе. Довѣрься истинному и будешь спасенъ.

Конечно, не съ такой элементарностью рѣ-
шится вѣковой вопросъ. Но даже, если Мель-
хиоръ не сразу обновитъ свои взгляды, все же
нѣкоторый шагъ къ сближенію съ *правдой*
сдѣлаетъ.

Трагедія дѣтской души понятна немногимъ.
Тамъ, гдѣ мы молча проходимъ, не видимъ и
не знаемъ сомнѣній, гдѣ, въ лучшемъ случаѣ,
«аисты» исчерпаютъ вопросъ, тамъ, быть мо-
жетъ, на каждомъ шагѣ «Венды» и Морицы
теряются и тонутъ въ вопросахъ.

Самый слабый намекъ создаетъ имъ картину;
они радуются, если имъ хоть что-нибудь отвѣтитъ.

Когда же имъ слышится отвѣтъ, «сами
узнаете», «нельзя передать» — тутъ и рож-
даются мукы сомнѣній...

Великое попріище для мысли и труда — вся
жизнь чело-вѣчества — остается безъ участія
тѣхъ, кто, благодаря неумѣло поставленной си-
стемѣ воспитанія, лишается необходимой под-
держки въ критическіе моменты, и у самого по-
рога плодотворно-сознательной жизни лишь
дастъ матеріалъ для мертвой статистики...

Лавръ Пуговишниковъ.

О дамъ свѣрхъ-нервной, Вѣрой именуемой, и о стилизаторѣ въ отставку уволенномъ.

Позваша къ себѣ единожды стилизатора съ прозвищемъ нѣмецкимъ, художой неестественной отличающагося, вопросила дама свѣрхъ-нервная, единственно объ искусствѣ чистомъ помышляя:

— Можешь-ли ты такъ сотворить, о, стилизаторе, чтобы публика обыкновенная мой театръ посѣщать перестала, а явились бы, вмѣсто оной, мужи высокоумные, въ ерундѣ всяческой сокровенный смыслъ находящіе?.. Рвуся душою моею свѣрхъ-нервною, натромъ бромистымъ и прочими успокоительными насыщенной, къ представленію дурманному, мнѣ, да тебѣ, о, стилизаторе, понятному!..

И отвѣтствовалъ мужъ исхудалый кротко:

— За другое не возьмусь, но за сіе готовъ поручиться добрымъ именемъ своимъ!.. Не пройдетъ тридцати дней и тридцати ночей, какъ всю публику не образованную отъ театра вашего отважу, а привлеку къ оному мужей высокоумныхъ, обличемъ своимъ метерлинковъ напоминающихъ!..

Тогда дама махнула рукой своей директорской и вскричала съ восторгомъ нескрываемымъ:

— Отродясь не видала такого я чудища!.. Иди, стилизаторе, и дѣйствуй, сообразно усмотрѣнію своему!..

И пошелъ стилизаторъ и началъ дѣйствовать, публику необразованную отучивъ отъ театра въ единый моментъ, согласно общапію своему. Высокоумные же зрители и совсѣмъ ходитъ не стали, ибо съ нихъ и собственнаго высокаго ума было вполне даже достаточно.

Тогда явился „нѣкто въ сѣромъ“ и съ ужасомъ велимъ на кассу пустую возривъ, промолвилъ дамѣ свѣрхъ-нервной, очі свои къ небесамъ возведоша:

— О, дама, дама!.. Гони ко всѣмъ діаволамъ стилизатора этого анаемскаго, ежели не хочешь, чтобы мошна твоя въ подобную ему, въ художу впала!.. Потому искусство искусствомъ, а алтынъ алтыномъ!.. Поручи сіе изгнаніе мнѣ совершить, для коей цѣли возьму въ руки мои портфель кожаный, на людей робкихъ страхъ нагоняющій!.. Повелишь?..

И рекла дама:

— Гони его къ лѣшему, пользы дѣла ради!.. Мнѣніе свое непоколебимое мѣняю я, подобно кожи камелеонистой, и почти во всякое время идоловъ мной возсозданныхъ могу подвергнуть разрушенію!..

Тогда „нѣкто въ сѣромъ“ позвалъ стилизатора исхудалаго, въ общежитіи „режиссеромъ“ именуемаго, и возопилъ гласомъ велимъ:

— Убирайся къ лѣшему, ибо все, что намъ нужно, мы отъ тебя уже перенесли и можешь вѣхать самостоятельно въ штаты соединенные, выдавъ стилизацію, тобой изобрѣтенную, за нашу собственную, способностямъ богоданнымъ соответствующую!..

И пошелъ стилизаторъ къ лѣшему, главу пепломъ посыпавъ и одежды на себѣ разодравъ, подобно Іову многострадальному.

Быша все сіе въ лѣто отъ Р. Х. тысяча девятьсотъ седьмое, существованія же Государственной Думы—третье.

Павелъ Вейнбергъ.



Театральное эхо.

Михайловскій театръ.

„L'amour vielle“. Прелестная, чудно разыгранная пьеса, остроумная, живая и полная движенія, напомнила добрыя старыя времена, когда ставились пьесы Сарду и Дюма. Содержаніе пьесы слѣдующее. Молодая дѣвушка, воспитанная совершенно на свободѣ своимъ холостякомъ дядею, гоститъ у своей крестной матери, которая страдаетъ маніей — устраивать браки. Въ это же время маркиза пригласила молодого, богатаго ученаго историка, добродушнаго, порядочнаго, но необладающаго ничѣмъ привлекательнымъ для женщины. Ученый влюбленъ въ шаловливую, очаровательную крестницу маркизы, но въ тотъ моментъ, когда онъ, наконецъ, собирается съ духомъ и хочетъ сдѣлать ей предложеніе, она передаетъ ему написанную ею телеграмму своему дядѣ, въ которой объявляетъ, что она выходитъ замужъ за племянника маркизы, которая предназначала его другой барышнѣ. Молодой ученый сдерживаетъ порывъ охватившаго его отчаянія и ничѣмъ не выдаетъ себя. Наоборотъ, онъ сердечно поздравляетъ ее. Во второмъ дѣйствіи мы видимъ уже молодоженовъ, влюбленныхъ другъ въ друга и не видящихъ ничего вокругъ себя. Молодая Жанелина въ разговорѣ съ мужемъ заявляетъ ему, что если онъ когда нибудь обманетъ ее, то она отвѣтитъ ему тѣмъ же. Въ это время приходятъ къ ней ея пріятельницы и рассказываютъ, что у ея мужа была связь съ своею кузиною, красивою, элегантною женщиною. Жанелина послѣ ухода своихъ болтливыхъ пріятельницъ требуетъ объясненія у мужа, и разсерженная его уклончивыми отвѣтами, убѣгаетъ. Въ ея отсутствіи является кузина. Въ остроумномъ діалогѣ она высмѣиваетъ женатыхъ людей, кокетничаетъ съ своимъ кузеномъ и доводитъ его до того, что онъ, забывши молодую жену, летитъ съ нею на ея квартиру. Жанелина возвращается съ цѣлью помириться съ мужемъ и узнать отъ лакея, что мужъ ея уѣхалъ. Тогда, движимая негодованіемъ, она вспоминаетъ, что получила только что письмо, полное любви отъ ученаго, и пишетъ ему, что будетъ у него, потому что любить его, при этомъ письменно сообщаетъ крестной матери и дядѣ, что собирается обмануть мужа, изъ мести. З дѣйствіе происходитъ у ученаго. Онъ ждетъ Жанелину, полный рѣшенія и тре-

воги. Наконецъ раздается звонокъ и является она. Въ крайне интересной сценѣ, гдѣ она боится много вздору, но какъ только видитъ попытку влюбленнаго разцѣловать и обнять ее, тотчасъ прячется въ себя, какъ улитка, она доводитъ своего ученаго поклонника до благокаленія, и въ эту опасную для нея минуту слышится усиленный звонокъ. Это ея крестная мать и дядя ищутъ ее по Парижу, меньше всего, рассчитывая найти ее у мало интереснаго ученаго; «il ne compte pas» — говоритъ маркиза, но рассчитывая, что онъ можетъ дать свѣдѣнія объ исчезнувшей молодой женщинѣ. Жанелина, слышавъ ихъ голоса, прячется и подслушиваетъ весь ихъ разговоръ, между прочимъ маркиза вынимаетъ и читаетъ письмо Жанелины. Бѣдный ученый удрученъ: такъ вотъ чѣмъ объясняется посѣщеніе Жанелины. Когда онъ выпроваживаетъ гостей, то обращается къ ней съ упрямствомъ, и совѣтуетъ ей не мстить, а вернуться къ мужу. Пристыженная Жанелина извиняется и уходитъ. Въ четвертомъ дѣйствіи происходитъ примиреніе супруговъ. Г-жа Старкъ, исполнявшая роль Жанелины, была очаровательна: живая, полная жизни игра. Г-нъ Фредаль талантливо передалъ роль неудачника-идеалиста. Г-жа Готье толково и съ большимъ entrain сыграла роль кокетки-кузины, въ особенности въ кабинетѣ у кузена, гдѣ она его бранитъ. Г-жа Алексъ была неподражаема въ роли старой маркизы, много пожившей и много любившей. Мануа игралъ роль мужа Жанелины, а Пюмесь аббата, друга дома, и оба удачно справились съ своими ролями. Пьеса блестяще остроумна, но не тяжеловѣсна, грубымъ юморомъ, какъ во вѣхъ послѣднихъ французскихъ комедіяхъ и фарсахъ, гдѣ все основано на раздѣваніи, одѣваніи и невозможныхъ въ жизни эпизодахъ. «L'amour vielle» — сама жизнь и остается пожелать, чтобы намъ побольше давали подобныхъ пьесъ.

Голосъ изъ публики.



Александринскій театръ.

Въ Александринскомъ театрѣ была поставлена пьеса Бернарда Шау „Доходы миссисъ Уорренъ“ комед. въ 4 дѣйств.

Б. Шау извѣстный англійскій писатель — социологъ, — на нашъ русскій взглядъ весьма консервативный, только „слегка“ затрагивающій тѣ социальные вопросы, которые давнымъ давно широко и всесторонне разработаны нашими отечественными драматургами; въ Англии-же Шау считается настолько передовымъ и опаснымъ, что его произведенія рѣдко появляются на сценѣ.

Фабула пьесы Б. Шау слѣдующая: Китти Уорренъ — въ юности особа очень легкомысленная, желая подъ старость приобрести богатство и оступиться, занялась содержаніемъ публичныхъ домовъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Будапештѣ. Дѣло оказалось очень выгоднымъ и съ ней въ компанію вступилъ лордъ Краутсъ, вложившій въ него 40 тысячъ. У миссисъ Уорренъ есть дочь Виви, воспитываемая ею въ Англии, и получившая тамъ высшее образованіе въ Кембриджскомъ университетѣ. И вотъ, когда Виви закончила свое образованіе, мать призываетъ за ней и хочетъ привить дочери свой образъ жизни, свои вкусы, взгляды, свой авторитетъ и свою деспотическую власть, ссылаясь на то, что она мать, а дѣти обязаны подчиняться родителямъ; тогда Виви въ свою очередь, требуетъ отъ миссисъ Уорренъ отчета въ ея жизни — она желаетъ знать, кто ея отецъ, чѣмъ мать живетъ, какое мѣсто занимаетъ въ обществѣ и т. д. Миссисъ Уорренъ, смущенная, и сбиваясь съ толку настойчивостью дочери, рассказываетъ ей свою жизнь, оправдываясь въ своемъ позорномъ ремеслѣ тѣми убійственными социальными условіями, въ которыя была поставлена, какъ бѣдная дѣвушка. Виви сначала возмущается, но потомъ оправдываетъ мать, считая ее безсознательной жертвой существующаго социального строя. И, дѣйствительно, миссисъ Уорренъ, повидимому, не вѣдаетъ, что творить — доказательствомъ этому служить ея отвѣтъ на вопросъ дочери „мама, да неужели вамъ не было стыдно?“ „Вотъ видишь-ли, моя милая“, говорить миссисъ Уорренъ, для приличія, конечно, надо стыдиться, но на самомъ дѣлѣ, откровенно говоря, я никогда ни капельки не стыдилась.“ Эта-то безсознательность матери и обезоруживаетъ дочь, а за тѣмъ она увѣрена, что миссисъ Уорренъ бросила свое постыдное ремесло и все это дѣло прошлаго, но въ этой увѣренности ее вскорѣ разубѣждаетъ лордъ Краутсъ. Дѣлая Виви предложеніе, онъ подробно описываетъ ей, какъ блистательно у нихъ съ миссисъ Уорренъ поставлено дѣло и какой огромный доходъ они съ него получаютъ. Виви, и раньше чувствовавшая къ нему сильную антипатію, а теперь, возмущенная его цинизмомъ, рѣзко и оскорбительно отказывается ему; тогда лордъ Краутсъ, взбѣшенный и, желая ей отомстить, сообщаетъ, что Френкъ Гарднеръ, которымъ Виви сильно интересуется, ея сводный братъ, ибо пасторъ Гарднеръ былъ любовникомъ ея матери и ея отцомъ. Виви, удрученная всѣми этими открытіями рѣшается окончательно по-

рвать съ матерью и любимымъ человекомъ и посвятить себя исключительно дѣловой жизни. Ради этого она поступаетъ въ контору Гоноріи Фразеръ въ Сити. Когда-же мать является умолять ее вернуться къ ней, Виви твердо и непреклонно заявляетъ миссисъ Уорренъ, что этого никогда не будетъ и, что между ними все и навсегда кончено. Френкъ-же, пріѣхавшій убѣдить Виви не порывать съ нимъ, самъ отказывается отъ нея, лишь только узнаетъ о рѣшеніи Виви не взять у матери ни копѣйки изъ столь позорно нажитыхъ ею денегъ. Онъ пишетъ Виви о своей полной непригодности къ какой-либо работѣ и, о невозможности поэтому жениться на ней безъ приданого. Такимъ образомъ Виви остается совсѣмъ одинока, но эта энергичная дѣвушка не падаетъ духомъ — вѣдь, передъ нею лежитъ, выбранный ею самой, трудовой путь — она его не боится и смѣло глядитъ въ глаза будущему.

Таково содержаніе пьесы Б. Шау, въ которой очень много психологически непонятнаго. Почему, напримѣръ, Виви, послѣ разказа миссисъ Уорренъ о своей жизни, такъ быстро прощаетъ ей ея позорное прошлое и такъ неумолимо отталкиваетъ отъ себя ту-же мать въ концѣ пьесы, хотя, собственно говоря, ничего новаго не узнала отъ лорда Краутсъ? Почему раньше она продолжаетъ жить на средства матери, добытые такимъ постыднымъ путемъ и, только, послѣ разговора съ Краутсомъ, она не хочетъ больше пользоваться этими деньгами и рѣшается жить самостоятельнымъ трудомъ? — все это

остается совершенно невыясненнымъ. Кромѣ того, пьеса Шау страдаетъ длиннотами — такъ, разсказъ миссисъ Уорренъ дочери о своей жизни безконеченъ и мѣстами прямо скученъ — англійскій писатель въ этомъ монологѣ устами миссисъ Уорренъ докладываетъ публикѣ старья, избитыя, всѣмъ извѣстныя истины. Однако, не смотря на свои недостатки пьеса Бернарда Шау смотрится не безъ интереса.

Центральную роль миссисъ Уорренъ играла М. Г. Савина и играла, конечно, хорошо, но, къ сожалѣнію, игрѣ артисткѣ на этотъ разъ не хватало той филигранной отдѣлки роли, составляющую всегдашнюю, особую прелесть игры Марьи Гавриловны. Савина играла какъ то неровно — порывами — мѣстами она была очаровательна, какъ, напримѣръ, въ сценѣ кокетства съ Френкомъ Гарднеромъ, въ своемъ послѣднемъ монологѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ сценахъ, но мѣстами она играла какъ-то вяло, нехотя, холодно — казалось роль артисткѣ не по душѣ. Г-жа Ведринская — Виви играла умно, просто, естественно, но... чересчуръ сухо, артистка удачно схватила внѣшнія черты характера Виви, но недостаточно отбѣнила ея внутреннее „я“. Лордъ Краутсъ, г. Ге, былъ-бы недуренъ, если-бы не стремленіе сдѣлать изъ Краутса мелодраматическаго злодѣя, что очень мѣшало артисту — онъ какъ-то неестественно говорилъ, вращалъ глазами, дико хохоталъ. Роль добродѣтельнаго Преда игралъ г. Ридаль прилично и единственный изъ всѣхъ напоминалъ, хоть немного, англичанина.



М. Ф. Кшесинская.



Артистка Императорскаго Балега
Е. А. Смирнова.

Малый Театръ.

Поставленная первый раз драма «Сумасшествіе отъ любви» собрала полный театръ.

На старой, но вѣчно юной канвѣ—любви и ревности переплетаются различныя человѣческія чувства и страсти: здѣсь и подозрѣніе, переходящее въ тяжелое чувство ревности, здѣсь и любовь, до того сильная, что переходитъ въ сумасшествіе, здѣсь и бѣшенство граничащее съ умонстуженіемъ.

Канва очень обширна, и вышитые на ней причудливые узоры вполне захватываютъ вниманіе зрителя.

Про содержаніе драмы можно сказать: Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu...

Король Филиппъ равнодушенъ къ аррагонской принцессѣ, Альдарѣ, которая выдаетъ себя за племянницу трактирщика, у котораго происходитъ свиданіе. Королева Хуана безумно любящая Филиппа, узнаетъ это черезъ своихъ приближенныхъ, но желая убѣдиться лично, замаскировывается и приходитъ въ трактиръ Герен-Переса.

Король не узнаетъ ея, и думая, что разговариваетъ съ Альдорой, — тѣмъ самымъ выдаетъ и послѣднюю и себя.

Но аррагонская принцесса ведетъ «двойную» игру.

Заигрывавъ короля, она ничуть не раздѣляетъ его чувствъ, наоборотъ, всѣ ея чувства принадлежатъ другому.

Этотъ другой, канитанъ донъ Альваръ, въ свою очередь любить другую, и эта другая — королева Хуана!

Получается кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода...

Нѣтъ взаимной любви — и это создать

драму, которая въ концѣ концовъ разбиваетъ жизнь королю и королевѣ.

Возвращаясь къ содержанію пьесы. Принцесса ревнуетъ Альвара къ королевѣ; въ ея умѣ создается планъ мести, но для этого необходимо проникнуть къ королевѣ.

Это же должно дать ей возможность постоянно быть вблизи Альвара.

Женская хитрость подсказываетъ ей, что нужно пообщать свою любовь королю, — и она пишетъ Филиппу письмо, проситъ назначить ее придворной дамой съ вымышленнымъ именемъ.

Письмо попадаетъ въ руки королевы...

Хуана возмущена и, не стѣсняясь, открыто высказываетъ свое негодованіе.

Желаніе избавиться отъ Хуаны, мысль, что Альдара обѣщала любить его — затемняетъ разсудокъ короля Филиппа. Любовь къ Альдарѣ толкаетъ его на преступленія. Филиппу не остается ничего, какъ объявить королеву сумасшедшей. Но Хуана не перестаетъ бороться: страстной рѣчью убѣждаетъ она вельможъ и народъ, рассказываетъ причины, приведшія ее въ состояніе бѣшенства. И всѣ на ея сторонѣ. Волненія переживаемой драмы отражаются на здоровьи короля: онъ тяжело заболѣваетъ. Любовь королевы борется въ ней съ чувствомъ злобы и одерживаетъ верхъ надъ послѣдней. Хуана неотлучно находится при больномъ. Никакія средства не помогаютъ; есть единственное, какъ думаетъ королева, средство, которое можетъ спасти короля, и Хуана послѣ долгой внутренней борьбы прибѣгаетъ къ нему: она устраиваетъ свиданіе Филиппа съ ненавистной ей Альдарой. Жертва королевы не приноситъ желаннаго результата: угасающій король, умиленный этимъ проявленіемъ любви королевы, умираетъ на ея рукахъ. Эта смерть потрясаетъ королеву и она сходитъ съ ума.

Тяжелая драма жизни четырехъ человѣкъ кончается гибелью двухъ изъ нихъ.

Таково содержаніе старинной драмы (мы насчитываемъ ей болѣе двадцати лѣтъ), впервые поставленной на сценѣ Малаго театра.

Исполненіе ея вполне соответствовало задачамъ театра Литературно-Художественнаго Общества. Осмысленная, вполне художественная передача дѣлала честь артистамъ Малаго театра.

Центральныя роли — королевы Хуаны (г-жа Парчлнская), короля Филиппа (Н. М. Шмитгофъ), донъ-Альвара (Б. С. Глаголинъ) и Альдары (М. Я. Троянова) — находились въ опытныхъ рукахъ.

Въ частности поговоримъ о донъ-Альварѣ, Б. С. Глаголинѣ. Талантливый артистъ создать художественный типъ. Передача чувствъ, настроеній и страстей была настолько рельефна, настолько жизненна, любовь къ королевѣ настолько некрепна, что лучшаго желать ничего не оставалось.

Артистъ перевоплощался въ художника, который нѣсколькими штрихами создавалъ то, что другому пришлось-бы создавать годами. Гриммъ г. Глаголина — превосходенъ.

Постановка пьесы, В. Г. Главацкаго, очень хороша.

В. Блохинъ.

Концертъ Маріи Кантони.

— Въ большомъ залѣ консерваторіи состоялся концертъ молодой пѣвицы Маріи Кантони, при участіи скрипача Лео Строка и симфоническаго оркестра графа А. Д. Шереметева.

Г-жа Кантони впервые выступаетъ порядъ петербургской публики.

Пѣвица съ хорошимъ голосомъ, и рѣдкимъ темпераментомъ.

Она поетъ исключительно аріи изъ оперъ, но самыя разнообразныя.

Есть лирическія, сильно-драматическія и даже чисто-колоратурныя. Такая программа, а главное исполненіе ихъ на *концертной* эстрадѣ съ какимъ то *опернымъ* апломбомъ, производитъ на многихъ слушателей неопредѣленное впечатлѣніе.

Въ программу вошли аріи изъ оперъ «Норма», «Травиата», «Тоска», «Карменъ», «Пиковая дама» и др. Передача — искренняя и прочувствованная.

Г-жа Кантони принадлежитъ къ числу тѣхъ артистовъ, которые переживаютъ все то, что играютъ и поютъ. Было ли нужно прибѣгать къ тѣмъ приемамъ, которые умѣстны только въ оперѣ и при должной обстановкѣ? Мимика, жесты и движенія необходимы, но г-жа Кантони чрезчуръ уже злоупотребляетъ ими.

Ея манеры, пожалуй, оригинальны, но оригинальность эта, къ сожалѣнію, достигаетъ противоположныхъ для пѣвицы результатовъ.

Г-жа Кантони, очевидно, думаетъ этимъ способствовать болѣе цѣльности впечатлѣній, но она жестоко ошибается.

Что касается самого пѣнія артистки, то въ немъ чувствуются слѣды серьезной вокальной школы.

Сопрано г-жи Кантони довольно обширнаго діапазона. Тембръ — сочный, хотя и не чарующій особенной красотой звука. Дыханіемъ и самыми рискованными звуками верхняго регистра пользуется не такъ легко, какъ кажется, но г-жа Кантони умѣло сглаживаетъ недочеты своего голоса. Такимъ образомъ, для многихъ слушателей они остаются незамѣтными. Колоратура ея — вполне подвижна.

Въ общемъ, г-жа Кантони болѣе оперная, чѣмъ концертная пѣвица. Но какъ бы то ни было, въ оперномъ мірѣ — она величина, заслуживающая вниманія.

Скрипачъ Лео Строкъ — самый заурядный. Техника посредственная, тонъ небольшой. Въ передачѣ сюиты Зиндинга, и безъ того скучной, у него не хватило силы выраженія; нодура сыгралъ онъ Adagio — Глазунова и La ronde des Lutins — Баццини.

Съ вполне хорошей стороны показалъ себя г. Владиміровъ, дирижеръ оркестра: онъ точенъ, знаетъ технику своего дѣла, слѣдитъ за красивой и мягкой нюансировкой. Его оркестръ звучалъ стройно, полно и разнообразно. Valse triste — Сибелиуса, по настоящему, требованію публики, г. Владиміровъ биссировалъ.

Публики было много.

О сценическом искусствѣ.

(Бесѣда съ Ф. И. Гущинымъ).

О нашемъ сценическомъ искусствѣ, о старыхъ артистахъ вообще и объ оперныхъ въ частности—таковы вопросы, съ которыми мы обратились къ Ф. И. Гущину.

Съ мнѣніемъ Ф. И. слѣдуетъ особенно считаться потому, что онъ явился совершенно самостоятельнымъ въ своемъ методѣ преподаванія въ Императорскомъ театральномъ училищѣ (драматическая школа), наживъ себѣ многихъ враговъ, но оставшись побѣдителемъ надъ ними.

Можно смѣло сказать, что рѣдко кто изъ профессоровъ пѣнія—сразу опредѣлялъ и оцѣнивалъ талантъ въ томъ необработанномъ самородкѣ, который являлся къ Ф. И. и изъ котораго впоследствии получались извѣстные артисты. На три мои вопроса, предложенные Ф. И. я получилъ слѣдующіе отвѣты.

— На вашъ вопросъ, что я думаю о сценическомъ искусствѣ—могу вамъ отвѣтить слѣдующее:—по моему въ немъ царить хаосъ. Мнѣ кажется, что артисты сбились въ своихъ задачахъ и цѣляхъ. Все то, что когда либо выдвигалось и приковывало интересъ зрителя—состояло въ томъ, что люди не мудрствовали лукаво, а художественнымъ чутьемъ улавливали истину, которая заключалась въ красотѣ и правотѣ. Теперь хотя я вижу передъ собою на сценахъ живыхъ людей, но не вижу живого искусства въ нихъ, для меня безслѣдно проходить внутренняя сторона, для которой съ моей точки зрѣнія, необходима или наука указывающая средство для проявленія ея, или исключительные таланты, которые силою содержащаго въ нихъ, проявляютъ неподдѣльную искру, которая насъ и захватываетъ. По моему теперь эту неудовлетворенность можно объяснить отчасти переходнымъ состояніемъ, гдѣ поиски чего-то новаго выбиваютъ изъ вѣчнаго стараго, отъ котораго не уйти человѣку.

Если бы мы пожелали уйти отъ рутинъ, то для этого необходимы люди болѣе утонченные; но оставаясь на неизбѣжныхъ старыхъ устояхъ, гдѣ человѣкъ останется всегда человѣкомъ, и если что новаго въ немъ и проблеснетъ, то причиной къ этому будетъ культурность людей, которая откроетъ и новые намъ горизонты. Многія пьесы, какъ антично-классическаго репертуара, такъ и новаго направленія, какъ Ибсена, гдѣ затронуты вопросы утонченной психологіи человѣка, не только проходятъ неинтересно, но даже сняты съ репертуара, тогда какъ они являются образцами, гдѣ искусство должно быть проявлено въ полномъ его ореолѣ. Для этого, правда, нужно знаніе, большой трудъ и работа, а русскій человѣкъ хочетъ хватать звѣзды съ налета, и разъ съ одного взмаха не удалось, то наступаетъ охлажденіе къ достиженію цѣли. Это подтверждается тѣмъ, что внѣшняя сторона сцены, какъ декорация, костюмы у насъ иногда блещутъ новизной и интересомъ, потому что это легко достижимо, разъ есть извѣстная идея. Что же касается внутренней стороны, то для этого необходимъ многолѣтній упорный трудъ и беззавѣтная любовь къ дѣлу.



Что вы скажете о старых артистах?

— Къ сожалѣнію, мы ихъ должны называть стариками и пожалѣть объ этомъ: собственно ими только и поддерживается искусство.

И если бы молодежь умѣла бы улавливать въ этихъ образцахъ причины, которыя даютъ желаемые намъ слѣдствія, то мы бы не получали отрицательной стороны у молодежи.

А оперные артисты?

— То же что и драматическихъ. Я не отдѣляю по существу воспроизведеніе драмы отъ оперы: и тамъ и здѣсь человѣкъ съ его духовнымъ міромъ. Вопросъ въ долгомъ или короткомъ звукѣ не дѣлаетъ разницы и этимъ не разрушается принципиальное положеніе, рѣчь тамъ и здѣсь. Если мы въ пѣніи не будемъ преслѣдовать художественную рѣчь, то мы не найдемъ и самого пѣнія. Въ инструментальной игрѣ артисты преслѣдуютъ выразительность, значить передаютъ выраженіе внутренняго міра, и ежели это достигимо безъ словъ и становится понятнымъ, то со словами тѣмъ болѣе можно потребовать смысла музыкальной фразы, которая основана на текстѣ. Существуетъ речитативъ, который указываетъ на преимущество рѣчи въ музыкѣ, а если является кантилена, то этимъ не устраняется значеніе фразировки. Если мы голосъ, его организацію, отдѣлимъ отъ конечнаго его предназначенія—выражать нашъ внутренній міръ, то мы не найдемъ правильность звука, отчего у насъ и насталъ упадокъ вокальнаго искусства. У насъ есть голоса, но нѣтъ пѣвцовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Конечно за рѣдкимъ исключеніемъ, не говоря уже о томъ, что преждевременно разрушается голосовой органъ, т.-е. нѣтъ естественнаго положенія вещей.

У большихъ артистовъ вокальнаго искусства сохранялись голоса до старости, но зато они были на высотѣ своей задачи; какъ артисты художники, которые помимо кантилены блистали и речитативами.

М. К.

НАШЪ АЛЬБОМЪ.

М. КАНТОНИ.

Много шуму до пріѣзда...
Ожиданье... Наконецъ—
День концерта... О, Творецъ!!!
Тихо, тихо... въ день отъѣзда.

В. ПИОНТКОВСКОЙ.

Безспорно, въ роли «Главари»
Вы—безподобны, вы—преlestны...
Въ иныхъ роляхъ (держу пари!)
Другія—больше васъ умѣстны.



СЦЕНА и ЖИЗНЬ.

Бесѣда съ М. И. Разсудовымъ *).

Почему вы въ Фарсѣ?—задалъ я вопросъ М. И.

Михаилъ Ивановичъ долго не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ куда-то въ одну точку и было замѣтно, что мысли талантливаго комика витаютъ очень далеко...

— Гдѣ же мнѣ быть?..—началъ онъ,—по моему, мое настоящее мѣсто именно въ «Фарсѣ». По амплуа я—комикъ, а комизма въ современномъ репертуарѣ я не вижу. Кромѣ того, такъ называемая, «серьезная сцена» страдаетъ такой «несерьезностью» и такими эквилибристическими съ чисто спекулятивными расчетами приемами, что вопросъ о достоинствѣ этой сцены въ сравненіи съ «откровенными» шутками фарса остается открытымъ... Вотъ два существенныхъ недостатка, которыми страдаетъ наша обѣдѣвшая сцена: 1) отсутствіе *нормальныхъ* драматурговъ, а, слѣдовательно, въ соединеніи съ этимъ, и отсутствіе репертуара, и 2) специфическая погоня за *внѣшностью*, *обстановкой*, «злобами дня» (обличительныя темы), извѣстными именами и т. д... и все это, конечно, съ той же цѣлью—добыть «гвоздь», привлечь несчастнаго зрителя въ театръ... и сдѣлать *сборы*. Ерго: *спекуляція*, но не *искусство*. Въдѣ наступитъ-же когда-нибудь время, когда придется сознаться: нельзя же всю жизнь *лгать*, даже самому себѣ... Развѣ постановка плохой пьесы только потому, что она принадлежитъ перу «извѣстнаго» автора—не спекуляція? Развѣ система Станиславскаго—не погоня за внѣшностью? Развѣ мейерхольдовщина—не умышленное оригинальничанье? Развѣ безсистемный, обличительный, или «сомнительный» репертуаръ любого театра—не погоня за наживой? Развѣ выдвиганіе и раздуваніе въ печати своей бездарной любовницы и затираніе талантливой актрисы—не страшныя преступленія съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ?!... Гдѣ-же достоинство пресловутой «серьезной» сцены и чѣмъ она можетъ привлечь сознательныхъ жрецовъ искусства?... Да, было время на Руси, когда вся *внѣшность* на сценѣ заключалась въ простой комнатѣ съ тремя окнами, а въ комнату эту входили *актеры* и говорили рѣчи, каждое слово которыхъ цѣнилось на вѣсъ золота... А теперь несчастная сцена вертится и трещитъ отъ массы пристановокъ и эффектовъ, бьютъ фонтаны, гремятъ фанфары, поютъ сверчки, сверкаютъ стрекоты и въ эту искусственно-естественную, залитую моремъ электрическаго свѣта, волшебную обстановку входятъ... *тоже* актеры и *тоже* говорятъ... Богъ съ ними, *что* и *какъ* они говорятъ!...

— Итакъ,—перебилъ я почтеннаго артиста,—вы не находите ни одного подходящаго для себя театра?

— Вы хотите перейти къ частностямъ. Извольте. Начать съ того, что меня ни въ одинъ «серьезный» театръ не возьмутъ. Вы спросите, почему? Отвѣчу вамъ, перефразируя актера

Шмагу изъ *Островскаго*: я знаю, что меня, актера фарса, въ «серьезное» общество театральнаго авгуровъ пускать не слѣдуетъ. Но ужъ если пустятъ, а тѣмъ болѣе *пригласятъ*, такъ придется считаться съ моимъ образомъ мыслей и съ моей индивидуальностью... Возьмемъ *казенную сцену*. Это можетъ быть, единственная сцена, куда я *вступилъ-бы* съ священнымъ трепетомъ и съ благоговѣніемъ къ ея прошлому. Тамъ до сихъ поръ еще сверкаютъ искры изъ подъ пепла... Но никакой надежды попасть туда я не имѣю. Во первыхъ, по моимъ болѣе чѣмъ скромнымъ даннымъ я не могу примкнуть къ той «стаѣ славныхъ», остатки которой еще блещутъ яркими именами. Во вторыхъ, я зарѣзалъ тамъ черезчуръ большого теленка...

— Что такое? Разскажите.

— Не хотѣлось бы... Ну, да извольте. Дѣло въ томъ, что я слишкомъ часто «печатно, письменно и устно» высказывалъ свои взгляды на эту сцену, взгляды, конечно, отрицательные, которые навѣрно дошли до свѣдѣнія «подлежащихъ» вершителей судебъ и произвели «надлежащее» впечатлѣніе. Когда я былъ на службѣ, я возненавидѣлъ канцелярщину, взяточничество, «кумовство» (протекцію) и формализмъ, но тотъ формализмъ, который ведетъ къ порядку—съ этой точки зрѣнія я самъ большой формалистъ,—а тотъ, который тормозитъ успѣхъ и умерщвляетъ живое дѣло... Я не могъ-бы служить тому, отъ чего въ свое время убѣжалъ... Такимъ образомъ, какъ видите, вопросъ о казенной сценѣ отпадаетъ самъ собою.

Дальше. *Театръ Станиславскаго*... Я не могу быть «живой машиной»! Абсолютное подчиненіе режиссеру и отсутствіе самостоятельности въ актерѣ—это не театръ, а «зрѣлище», о которомъ говорить не приходится... Тамъ нѣтъ даже «сумерекъ искусства»... Не стоитъ тратить словъ. Работа Станиславскаго—это неутомимый красиво подобранный погребальный звонъ по покойнику-таланту самородку, это торжественно-стройная панихида надъ могилой искусства!

Театръ Коммиссаржевской. Я знаю хорошу Вѣру Федоровну (я имѣлъ честь служить у нея въ поѣздѣ 8 мѣсяцевъ). Не смотря на ея оригинальный талантъ, В. Ф. представляетъ въ моихъ глазахъ слишкомъ неустойчивый и несамостоятельный элементъ въ смыслѣ постановки театральнаго дѣла... Я былъ у нея въ театрѣ одинъ разъ и вышелъ оттуда въ очень веселомъ настроеніи...

Театръ Корша. Когда-то (не *теперь*, а гораздо раньше) я усмотрѣлъ тамъ нѣчто симпатичное мнѣ... Тамъ служили Яковлевъ, Вязовскій, Свѣтловъ... Говорю откровенно, не стѣсняясь: я самъ просился туда, даже *два раза*... Но не былъ взятъ. Какъ на грѣхъ, я въ то время сдѣлалъ первый опытъ своего служенія въ Фарсѣ. И вотъ, мой большой другъ, уважаемый Н. Н. Синельниковъ, къ моему нѣкоторому удивленію, заявилъ мнѣ, что О. А. Коршъ не находитъ возможнымъ допустить въ своемъ театрѣ службу актера, поступившаго въ Фарсѣ... Это была первая расплата за мою из-

*) См. № 2 «Сцена и Жизнь».

мѣну «серьезному» искусству. Съ тѣхъ поръ я со всѣхъ сторонъ слышу упреки (въ томъ числѣ и отъ васъ, за эту измѣну и... больше ужъ нигдѣ не прошусь).

— Васъ интересуетъ, какъ я попалъ въ Фарсъ? Я поступилъ на сцену *по призванію*... Бросивъ государственную службу и пожертвовавъ карьерой*), я посвятилъ себя, конечно, серьезному искусству, которому и прослужилъ 15 лѣтъ, объѣхавъ 64 города. Но это серьезное искусство отблагодарило меня за безпорочную службу весьма плохо. Хотя провинціальныя драматическія театры стоятъ въ моихъ глазахъ очень высоко, но онѣ страдаютъ всѣмъ дефектами русской неряшливости, убожества и ремесленного отношенія къ дѣлу. Кромѣ того, я измучился: два раза я чуть не умеръ отъ простуды вследствие сквозняковъ и переѣздовъ, испыталъ, конечно, всѣ перлы закулисныхъ дразгъ, интригъ, товарищеской зависти, неблагодарности, эксплуатаціи, и, наконецъ, меня оклеветали самымъ обиднымъ образомъ... Назовите это малодушіемъ, но чаша терпѣнія переполнилась и, когда представилась перспектива *отдохнуть* отъ цыганскаго бродяжничества на градахъ и весемъ обширной монархіи, перспектива служить *постоянно на одномъ мѣстѣ*, да еще въ центрѣ умственной и общественной жизни,—я, не колеблясь, принялъ любезное приглашеніе Л. Л. Пальмекаго въ дирекцію П. В. Тумпакова и поступилъ въ «Фарсъ». Вскорѣ меня также обласкалъ и В. А. Казанскій и вотъ уже 3 года я... *отдыхаю* въ Петербургѣ. Не могу сказать, чтобы самочувствіе мое было вполне удовлетворительно. Я испытываю большія мученія, больше всего *голодь*... «Фарсъ» не даетъ матеріала для утоленія этого голода; единственныя роли, которыя доставили мнѣ нѣкоторое самоудовлетвореніе—это роль Жоржеля въ пьесѣ «Трудъ и Капиталъ» и роль Моннаблона въ пьесѣ «Микета». *И это за три года!*

— А роль Вишневаго въ «Депутатѣ города Сентилея», которую вы создали?

— Такъ говорятъ мои снисходительные благожелатели. Но въ сущности эта роль—тѣ пустячки, которые вы можете ежедневно наблюдать во всѣхъ шаблонныхъ фарсахъ. Я давно могъ-бы увеличить свой окладъ и завоевать почальную извѣстность нѣкоторыхъ собратьевъ по «Фарсу», но не рѣшаюсь еще стать на голову и ходить кверху ногами...

За то, если я въ «Фарсѣ» встрѣчаю мало «искусства», то значительную отраду нахожу въ томъ, что обрѣлъ здѣсь болѣе добрыхъ и сердечныхъ людей. *неизмѣримо болѣе нравственную сферу, чѣмъ та, которая царствуетъ въ закулисной жизни „серьезныхъ“ театровъ*, и во всякомъ случаѣ болѣе искреннихъ друзей.

Вотъ почему я сижу въ «Фарсѣ».

Свенгали.

Открытие театральнаго клуба.

Открытие театральнаго клуба... Когда я подъѣхалъ къ его зданію, великолѣпному дому князя Юсупова на Литейномъ, на меня нахнуло чѣмъ-то давно забытымъ, повѣяло отлетѣвшей стариной.

Я помнилъ этотъ домъ. Еще въ дѣтствѣ приковывалъ онъ мое вниманіе, выдѣляясь среди прочихъ домовъ своей отдѣлкой, огромными окнами, какія встрѣчаются только въ старыхъ барскихъ домахъ. Я не стану описывать ни завтрака въ честь открытія клуба, на которомъ присутствовали представители сцены и литературы, ни содержанія тостовъ за его процвѣтаніе, а попытаюсь только вскользь описать тѣ ощущенія, которыя вызвало во мнѣ открытіе клуба и, притомъ, именно *въ этомъ* домѣ.

Мнѣ казалось, что на меня смотрятъ все прошлое этого дома...

Подъ звуки музыки прекраснаго вечерняго концерта я перенесся черезъ много лѣтъ назадъ... Тогда въ этомъ домѣ тоже играла музыка... богатый вечеръ у графини Х... Старый домъ былъ роскошно иллюминированъ... окна были ярко освѣщены, глядѣли оживленно и радостно, какъ бы говоря: «видите, какъ у насъ весело!» И дѣйствительно, вокругъ царило веселье и счастье... въ огромномъ залѣ шли танцы... виднѣлись оживленные лица... слышались смѣхъ... доносились отрывки разговоровъ... Богатый вечеръ у графини Х!..

Прошло нѣсколько лѣтъ... я снова вижу своего знакомаго... Беззаботный смѣхъ и веселье не раздаются въ его одинокихъ стѣнахъ... Грустно глядятъ его окна, темныя, какъ ночь и мрачныя, какъ гнетущія думы изстрадавшейся души... Они не говорятъ ничего... они хранятъ свою тайну. Но мотивы, когда то раздававшейся здѣсь музыки, еще звучатъ у меня въ ушахъ. Тихо и жалобно передаютъ они мнѣ свою болѣзненную тоску, тоску гнетущаго одиночества и, вмѣстѣ съ ними, какъ будто весь домъ сътовалъ на свою судьбу, никому не высказывая своихъ думъ.

Только музыка звучитъ какъ-то очень весело... Ахъ да, вѣдь это были только грезы! Въ старомъ домѣ теперь театральныя клубы... Опять царятъ смѣхъ и веселье... Опять видны оживленные лица...

Старый домъ былъ роскошно иллюминированъ... окна его были ярко освѣщены, глядѣли оживленно и радостно, какъ бы говоря: «видите, какъ у насъ весело!»

Но въ этомъ веселіи все время чувствовалась печаль, печаль объ исчезновеніи того, что дорого современному человѣку въ старой жизни, отъ которой онъ часто вынужденъ бываетъ отказаться, во имя созданія новой болѣе лучшей. И мнѣ было тяжело... Скрытая печаль стараго дома перешла и на меня... Онъ—хранитель старины, въ его залахъ, можетъ, въ теченіе многихъ лѣтъ не ступала нога человѣка... Не оттого-ли я относился къ нему почти съ благоговѣніемъ, еще въ дѣтствѣ—сумрачный и гордый, полный какой-то необъяснимой тайны, онъ всегда молчалъ и не высказывалъ своей тоски... молчали его окна, какъ то равнодушно, почти презрительно, смотрѣла его входная дверь... какъ



Артистка Императорскаго балета
В. И. Трефилова.

бы говоря: «здѣсь все живетъ только прошлымъ и настоящему—здѣсь нѣтъ мѣста!»

И я всегда смотрѣлъ на него, какъ на хранителя думъ былого, храма старины, въ которой есть что то такое теплое, хорошее, передъ чѣмъ смягчится самое очерствѣлое сердце... Этотъ домъ—храмъ!.. И мнѣ вспомнились незабвенныя слова поэта:

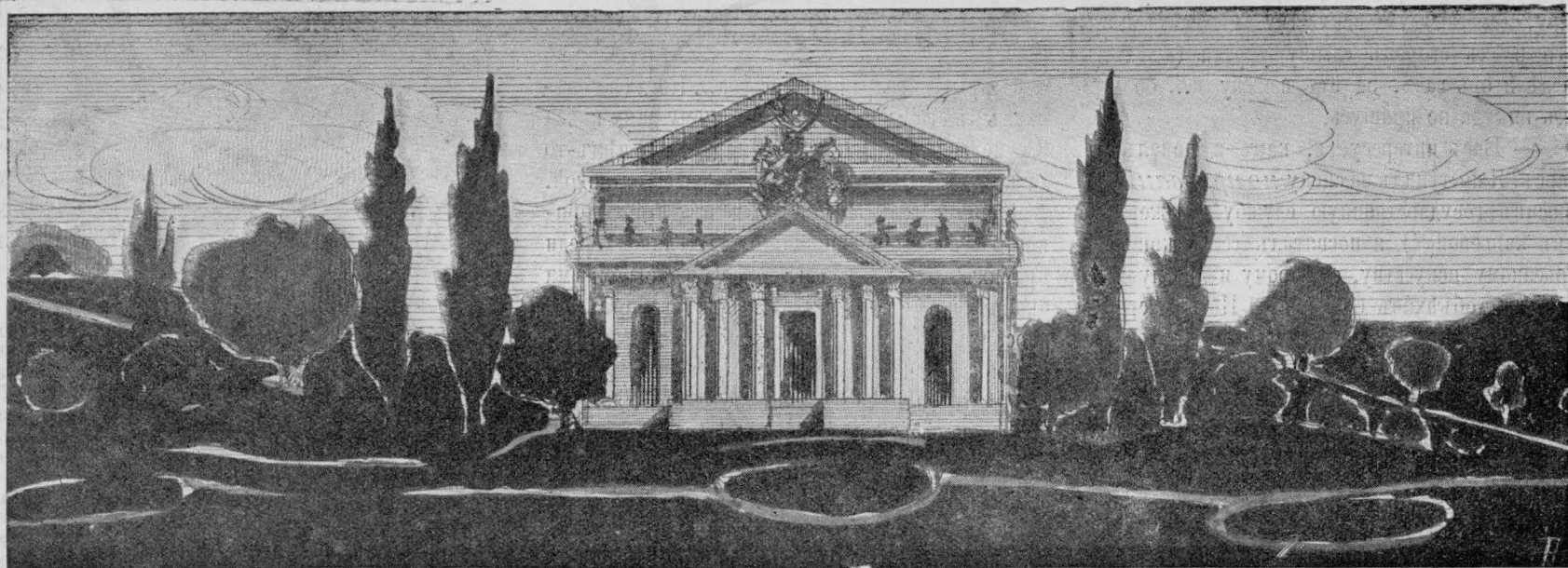
...«Храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ!»

Но онъ больше не оставленный храмъ! Онъ обращенъ въ клубъ... стоятъ ряды картонныя столики, неизбѣжные его спутники... Невольно приходитъ въ голову «Вишневый садъ», вырубленный руками людей, которымъ ничего не говорило прошлое этого сада. И слышатся слова студента Трофимова: «Послушайте, Аня, вашъ дѣдъ, прадѣдъ и всѣ ваши предки были крѣпостники, владѣвшіе живыми душами, и неужели съ каждой вишни въ саду, съ cadaго листка, съ cadaго ствола не глядятъ на васъ человѣческія существа, неужели вы не слышите голосовъ... О, это ужасно! Садъ вашъ страшенъ и когда вечеромъ или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьяхъ отсвѣчиваетъ тускло и, кажется, вишневые деревья впадаютъ во снѣ то, что было сто—двѣсти лѣтъ назадъ, и тяжелыя видѣнья томятъ ихъ!»—«... Вишневый садъ проданъ, слышится голосъ Ани, его уже нѣтъ...»

Я вышелъ на улицу и думалъ о томъ, что старый домъ обращенъ въ клубъ...

Неужели, думалось мнѣ, онъ больше не хранитель, не храмъ старины, хотя и покинутый?... Нѣтъ, онъ былъ и будетъ храмомъ, пока его темное, нѣсколько угрюмое зданіе, даже при веселомъ освѣщеніи, не гармонирующемъ съ его неотвязными думами и скорбью о прошломъ,—не будетъ возбуждать въ насъ тихую, пчелящую сердце печаль о свѣтломъ, хорошемъ времени, его храмъ и участи послѣдняго... И. Д.

*) М. И. Разсудовъ былъ Сулебнымъ Слѣдователемъ и Товарищемъ Прокурора.



— Театральная хроника. —

Директоръ Императорскихъ театровъ созвалъ на дняхъ всѣхъ режиссеровъ на засѣданіе для составленія репертуара на Великій постъ, выбора пьесъ, и приглашенія Московскихъ артистовъ на гастроли.

Съ будущаго года изъ драматической труппы Александринскаго театра увольняются 35 человекъ артистокъ и артистовъ. Дирекція рѣшила на томъ, кто прослужилъ менѣе 10 лѣтъ, выдать годовое содержаніе, а лицамъ, прослужившимъ болѣе 10 лѣтъ — оставить получаемый ими окладъ жалованья въ пенсію. Кромѣ этого вознагражденія, тѣмъ артистамъ, которые получаютъ годовое жалованье, будетъ данъ общій бенефисъ въ Маринскомъ театрѣ, съ особой программой.

— Намъ передаютъ, что съ назначеніемъ г. Обухова управляющимъ конторою петербургскихъ Императорскихъ театровъ связываются большія, крайне желательныя реформы.

— Дирекція Императорской консерваторіи ведетъ серьезные переговоры съ извѣстнымъ профессоромъ пѣнія Д. Морелли о вступленіи его въ составъ преподавателей пѣнія.

Одинъ изъ директоровъ «Стариннаго театра», баронъ Дризенъ, ѣздилъ въ Москву относительно помѣщенія для будущихъ спектаклей «Стариннаго театра», предполагавшихся въ началѣ января. Дирекціей рѣшено дать въ Москвѣ не менѣе 10 спектаклей. Помѣщеніе уже снято.

— «Общество сценическихъ дѣятелей» на своемъ послѣднемъ засѣданіи учредило шесть стипендій въ пользу нуждающихся артистовъ и ихъ семействъ. Одна изъ стипендій предоставлена нуждающемуся ученику Спб. Консерваторіи до окончанія послѣднимъ своего музыкальнаго образованія.

— Въ Петербургѣ возникаетъ новое театральное предпріятіе, съ весьма интересными

задачами. Новый театръ создается по образцу существующаго въ Берлинѣ «Uberbrottl'teater» — «Театра пародій». Всѣ новыя пьесы, имѣвшія успѣхъ, будутъ пародированы. Инициаторомъ этого предпріятія является премьеръ театра «Буффъ», А. Д. Кошевскій, который ведетъ въ настоящее время переговоры съ владельцемъ театра «Фарсъ», В. А. Казанскимъ и съ авторами обзорѣній и опереттъ, В. Ф. Платоновымъ и В. П. Валентиновымъ. Опытъ такого предпріятія будетъ сдѣланъ постомъ. Оригинальному замыслу А. Д. Кошевскаго нельзя не предсказать блестящей будущности. Успѣхъ, которымъ пользуется пьеса г. Полтавскаго (Гебена) «Жизнь человека на изнанку», выдержавшая 50 рядовыхъ представленій, можетъ служить этому лучшимъ доказательствомъ.

Теноръ Эдуардо Гарбинъ, съ которымъ долгое время велись переговоры, отклонилъ предложеніе дирекціи итальянской оперы, мотивируя свой отказъ нежеланіемъ сталкиваться съ теноромъ Ансельми, который ставитъ въ условіе дирекціи пѣть исключительно оперы «Тоска», «Богема», «Манонъ», оперы, которые считаются коронными въ репертуарѣ знаменитаго Гарбинъ.

Въ Петербургѣ великимъ постомъ приѣзжаетъ Анжело Мазини, который выступитъ въ оперѣ Карло Гвиди въ Маломъ театрѣ; онъ споетъ всего три спектакля. Оперой «Риголетто» Анжело Мазини навсегда простится съ петербургской публикой, что уже давно пора было сдѣлать!

А. А. Плещеевъ, впервые являющійся въ качествѣ провинціального антрепренера, (Варшава), приступилъ уже къ собиранію труппы на сезонъ Великаго поста. Онъ рассчитываетъ составить небывалый ансамбль изъ лучшихъ силъ московскихъ и петербургскихъ артистовъ казенной сцены, а также изъ провинціи будутъ приглашены только особенно выдающіяся силы.

На дняхъ студентами-статистами «Стариннаго театра» былъ поднятъ вопросъ объ увеличеніи платы за генеральныя репетиціи вмѣсто обычныхъ 50 коп. — 1 рубль. Собраніе выбрало трехъ депутатовъ, уполномочивъ ихъ вести съ дирекціей театра переговоры объ увеличеніи платы и сокращеніи занятій на репетиціяхъ, которыя обыкновенно продолжаются 5—6 часовъ. Первое требованіе дирекція удовлетворила, во второмъ же отказала, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что для репетицій въ интересахъ искусства невозможно установить опредѣленное число часовъ.

На дняхъ цензурою разрѣшена къ представленію новая четырехъ-актная драма В. В. Бруснянина «Власть тѣла». Пьеса посвящена современному вопросу борьбы духа съ тѣломъ. Пьеса В. В. Бруснянина «Сила жизни» переводится на нѣмецкій языкъ М. И. Гиршманомъ для одного изъ вѣнскихъ театровъ.

9-го декабря извѣстная артистка Риза Фердинандовна Нордштремъ уѣзжаетъ на три гастроли въ Ригу въ городскомъ театрѣ и на три гастроли въ Либау. Репертуаръ составленъ изъ классическихъ опереттъ: «Летучая мышь», «Продавецъ птицъ», «Ниппій студентъ» и «Веселая вдова» — (Риза Нордштремъ въ роли Ганны Главари, въ которой она выступала въ Кіевѣ съ громаднымъ успѣхомъ). 21-го декабря г-жа Нордштремъ возвратится обратно въ Петербургъ и будетъ вновь выступать въ Екатерининскомъ театрѣ Н. Г. Сѣверскаго.

— Главный режиссеръ театра «Буффъ», А. А. Брянский, въ свой бенефисъ, (28 или 29 декабря) ставитъ по обыкновенію новинку. Пойдетъ оперетта «Аристократы» — новая вещь, пользующаяся заграницей колоссальнымъ успѣхомъ и оперетта — пародія «Черныя вороны», написанная специально для бенефиса г-на Брянскаго.

Пасхаловъ и Гардинъ, «теріокскіе изгнанники», находятся въ настоящее время въ Парижѣ и хлопочуть объ открытіи русскаго театра. Главное вниманіе двухъ Аяковъ обращено на русскаго Ибсена (!). Интересно, чѣмъ кончится затѣя двухъ изгнанниковъ.

Въ Екатерининскомъ театрѣ Н. Г. Сѣверскаго готовятся къ постановкѣ двѣ новинки: оперетта Де-Миньяра «Волшебныя туфельки» — музыкальная, интересная по сюжету вещь, и «Судъ Боговъ», — новая оперетта написанная сообща Н. Г. Сѣверскимъ и А. Б. Вилинскимъ. Право постановки послѣдней оперетты продано г. Вилипскимъ Екатерининскому театру. Въ посту театр Сѣверскаго будетъ функционировать. Пойдетъ оперетта и злостное обозрѣніе, которое написано специально для театра Н. Г. Сѣверскаго.

Оперетта В. П. Валептинова «Ночь любви» пользуется громаднымъ успѣхомъ въ «Буффѣ». Успѣхъ, которымъ пользовалась «Веселая Вдова» сильно уступаетъ успѣху этой оперетты: сборы ежедневно полные. Приписывается это, съ одной стороны, прекрасной постановкѣ пьесы, съ другой же — удивительному асамблю, съ которымъ идетъ эта оперетта. Лучшая роль оперетты — роль М. И. Вавича, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она же и самая трудная въ музыкальномъ отношеніи. Безсодержательна роль г-на Монахова, но послѣдній ухитряется и изъ нея создать кое-что. Существуетъ предположеніе, что оперетта будетъ «гвоздемъ» сезона.

Директоръ театра «Буффъ», П. В. Тумпакъ окончательно рѣшилъ купить театр Омона въ Москвѣ, въ виду того, что главный кредиторъ этого театра, Депре, рѣшилъ войти съ П. В. Тумпакъ въ компанію по веденію дѣла.

— Гвоздь сезона театра Фарсъ «Амуръ и К^о» въ послѣднее время пересталъ интересовать публику, поэтому г. Казанскій въ подмогу ему поставилъ новый переводный фарсъ «Идеальный жандармъ». Кромѣ того, теперь пойдетъ новое злостное обозрѣніе гг. Платонова и Редера, специально написанное для этого театра подъ названіемъ «Маршъ въ Фарсъ».

На рождественскихъ праздникахъ въ театрѣ «Буффъ» будетъ устроенъ грандіозный балъ. Всѣ стѣны театра будутъ превращены въ сплошныя глыбы льда, украшенныя елками съ тысячами огней. На сценѣ сооружается ледяной домъ — точная копія съ знаменитаго «Ледяного Дома» Анны Иоанновны; зрительный залъ превратится въ катокъ: кресла для катанія и коньки на колесикахъ будутъ предоставлены всѣмъ желающимъ изъ публики. Къ услугамъ послѣдней будетъ предоставлена также громадная телѣга съ хлопучками, бомбоньерками и т. п. сюрпризами. Идея этого оригинальнаго бала принадлежитъ неумоимому въ своей изобрѣтательности, А. А. Брянскому.

«Блестящее» положеніе г. Полонскаго въ театрѣ «Буффъ» оказывается неособенно завиднымъ: почти вся труппа избѣгаетъ разговора съ нимъ, не протягиваетъ рукъ при встрѣчахъ и всячески даетъ ему понять, что не мѣшаетъ имѣть нѣкоторыя хотя-бы элементарныя понятія о чести...

== ПОРОССИИ. ==

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

Воронежъ. Дѣла городского театра не важныя. Антрепренеръ городского театра не можетъ выйти изъ убытковъ. Надѣются на Рождественскіе праздники.

Самара. Срокъ аренды городского театра находящагося въ рукахъ г. Кручинина — оканчивается. На дняхъ въ управѣ будетъ собраніе о вызовѣ антрепренеровъ на новое трехлѣтіе. Желающихъ сдѣлаться обладателемъ театра много охотниковъ. И не мудрено, — театръ нашъ сдается на удивительно льготныхъ условіяхъ, мало того, что за него не берутъ аренды, но и доходныя статьи отдають въ пользу арендатора, кромѣ буфета.

Каждый антрепренеръ, продержавъ только одну зиму, эксплуатируетъ театръ во время поста, Пасхи, и даже лѣтняго сезона, выручаетъ за это время около 6—8 тысячъ. Прошлый великопостный сезонъ принесъ г. Кручинину болѣе 3 тысячъ отъ русской оперетки.

Омскъ. Благодаря краху иркутскаго городского театра, антрепренеръ Долинъ, взявъ изъ труппы гор. Иркутска, нѣсколько артистовъ. Сборы въ нашемъ театрѣ плохіе, потому что съ начала сезона ни одинъ изъ артистовъ не пришелъ по вкусу и никто не имѣлъ успѣха.

Рига. Въ бенефисъ В. И. Ляхчева шла пьеса Метерлинка „Пеллеасъ и Мелисанда“, поставленная К. Н. Незлобинимъ. Заглавные роли исполняли бенефициантъ и Н. В. Лядова, Голо игралъ С. А. Соколовъ.

Пьеса „Хорошенькая“ успѣха не имѣла.

— Гастролирующая польская труппа сборовъ не дѣлаетъ. Въ художественномъ отношеніи съ большимъ успѣхомъ выступала г-жа Пржибылко-Потоцкая, влагающая въ свою игру много неподдѣльнаго трагизма и воодушевленія. Изъ Риги труппа ѣдетъ въ Митаву.

Одесса. Театръ Сибирякова, на плафонѣ котораго красуются имена Островскаго и Голая, предназначался исключительно для драмы. Между тѣмъ, въ этомъ сезонѣ на его сценѣ играетъ оперетта, пропагандирующая чуть ли не кафе-шантанъ и порнографію. Объ этомъ между прочимъ, ясно свидѣлствуетъ анонсъ о бенефисѣ г. Блюменталь-Тамарина. Анонсъ этотъ гласитъ, что на бенефисѣ будетъ «соревнованіе за отгадываніе живого ребуса, поставленнаго (!) на сценѣ». Будетъ конкурсъ женскихъ ногъ и пренія «за самую большую лысину». Режиссеръ хотя бы и опереточной труппы, но такой талантливый артистъ, — и вдругъ соревнованіе лысинъ!

Кстати приведемъ нѣсколько словъ о составѣ

труппы. Изъ двухъ примадоннъ одна, г-жа Капланъ, часто обнажается выше всѣхъ, дозволенныхъ эстетикой, предѣловъ и болѣе умѣло танцуетъ какъ-уоки и т. п., чѣмъ играетъ и поетъ. Другая, г-жа Глорія, съ симпатичнымъ голоскомъ и съ не лишеной изящества, подкупающей внѣшностью, но видимо, еще совѣмъ неопытна и совѣмъ не знаетъ, для чего вообще существуетъ сцена, хотя бы даже и опереточная, и что на ней пужно дѣлать. Жеманный г. Эспе не перестаетъ пѣть куплетовъ о спящихъ думскихъ гласныхъ, о гуляющихъ по Дерябасовской дамахъ и о томъ, что онъ боится полиціи. Г. Тумащевъ, который совѣмъ не хочетъ работать надъ своимъ талантомъ шаржируетъ до клоунады. Теноровыя обязанности въ труппѣ несетъ г. Чебанъ, на котораго тяжело слушать. Слабый премьеръ и quasi-баритонъ — г. Грековъ, а комическая старуха, г-жа Шетинина, какъ всегда, бранитъ мужичка и вѣчно грозитъ кулакомъ партеру. Въ общемъ почти всѣ изощряются въ донѣльно плоскомъ остроуміи и дешевыхъ отсебятинахъ. Какъ это скучно, сѣро и неинтересно.

Казань. Оперной труппой, очевидно, для сбора поставлена «Веселая вдова». Надежды оправдались: театръ былъ переполненъ. Дирижировалъ г. Эйхенвальдъ, котораго послѣ

«Алеко» и «Елки», шедших недавно въ день десятилѣтія его сценической дѣятельности, какъ то странно было видѣть за партитурой оперетты Легара. Да и исполнители оказались не вполне на высотѣ своей задачи. Лучше всѣхъ былъ г. Улукхановъ (Мирко Зета); у него отличная мимика и несомнѣнное комическое дарованіе. Г. Марини красиво и звучно поетъ пѣснь о качеляхъ. Остальные исполнители, особенно г-жа Викшемская (Ганна Главари) и г. Борисенко (Данило) исполняли свои партіи неохотно. Они только «пѣли», но никакъ не «играли»...

Тифлисъ. Матеріальныя дѣла нашей оперы начали поправляться. Пріѣхала г-жа Олимпія Баронатъ. Ея выходъ въ роляхъ Віолеты («Травиата») и особенно Розины («Сев. цирюльникъ») былъ сплошнымъ триумфомъ для тѣвицы. Сила и очарованіе таланта г-жи Баронатъ прямо поразительна. Въ «Севильскомъ цирюльничѣ», послѣ традиціоннаго алябьевскаго соловья, переполнившая театръ публика, разразилась долго несмолкавшими аплодисментами. Жаль только, что для должнаго ансамбля въ труппѣ не нашлось подходящихъ исполнителей.

Тамбовъ. Драматическая труппа Е. Ризъ, составлена довольно умѣло; играетъ она съ среднимъ успѣхомъ какъ матеріальнымъ, такъ и художественнымъ. Изъ исполнителей отмѣтимъ: г-жъ Арди-Свѣтлову, Петраковскую-Деркачъ, Волконскую, г.г. Свирскаго, Ремера, Ткачева и Владимірова.

Варшава. Начались гастролы г. Титто-Руффо который съ колоссальнымъ успѣхомъ выступилъ въ „Риголетто“ и „Гамлетѣ“.

Г. Руффо безспорно крупный талантъ и какъ пѣвецъ и какъ артистъ. Неудивительно такимъ образомъ, если имя этого молодого итальянца такъ скоро приобрѣло громкую извѣстность въ оперномъ мірѣ.

Г-жа Стаевская - Джильда и Офелія не является вполне соотвѣтственной партнершей г. Руффо. Г. Островскій — мощный по голосу бандитъ и хорошій король. Недурны также г. Кротти (тѣнь отца Гамлета), г. Малявскій (Лаэртъ) и г-жа Олеская (Магдалена и королева).

Дирижеръ г. Винья дѣловито и воодушевленно ведетъ оркестръ.

Таганрогъ. Драматическіе спектакли труппы С. И. Крылова начались 24 ноября пьесой „Фарисей“ и водевилемъ „Которая изъ двухъ“. Выборъ пьесъ, понятно, оказался до крайности неудачнымъ и вызвалъ недоумѣніе немногочисленной публики. Вторымъ спектаклемъ шла драма Рышкова „Безпечальные“. Изъ исполнителей выдѣляются: г-жи Бартлевичъ, Петрова, Лавровская и г-да Морвилль, Горинъ, Маликовъ и Лосъ.

О гастроляхъ г-жи Юрьевой поговоримъ въ слѣд. разъ.

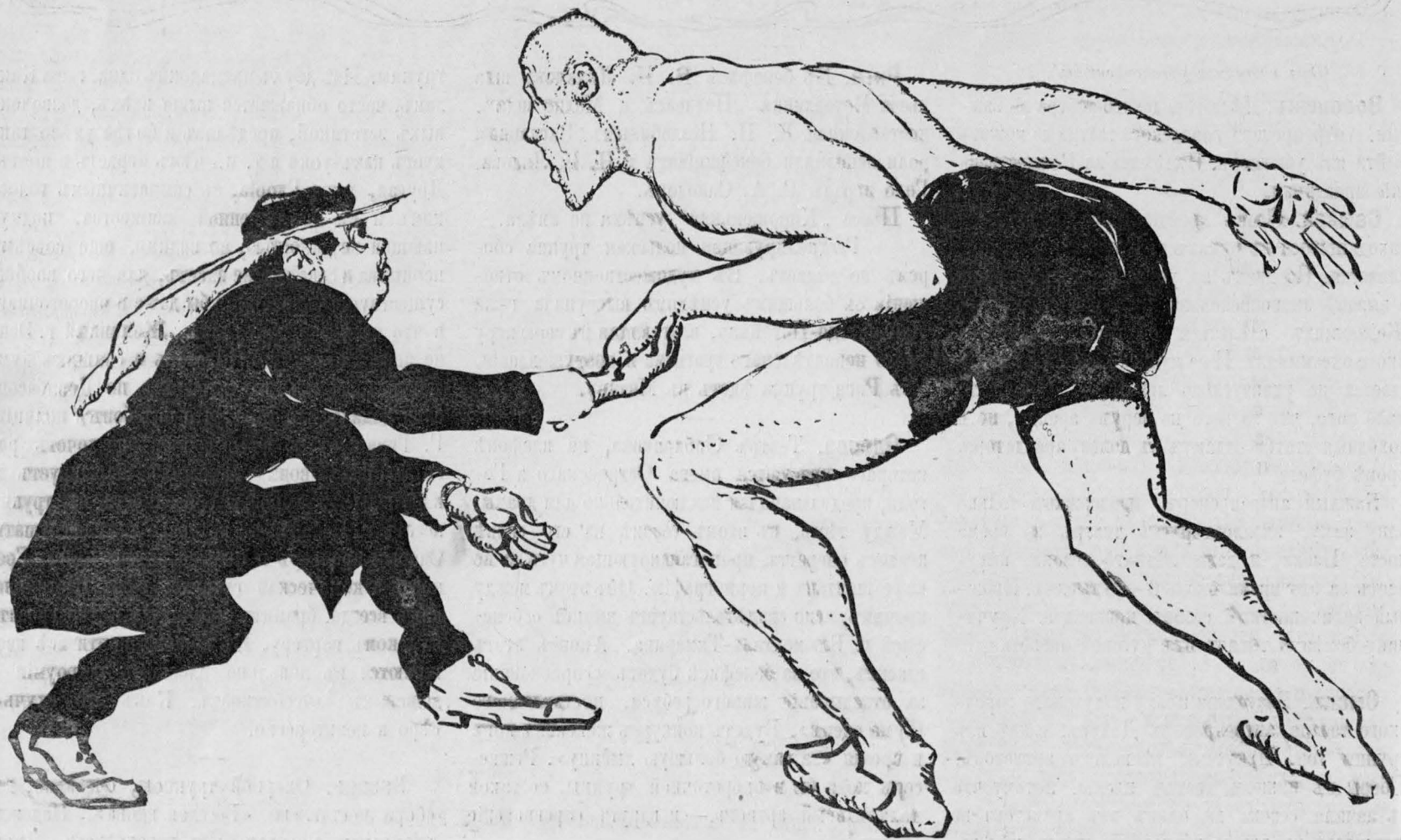
Нарва. Въ воскресенье 2 декабря, въ городскомъ театрѣ состоялся спектакль подъ управленіемъ Гришина, шла пьеса «Черные вороны». Роль Семона была исполнена г. П. Вейнбергомъ, который далъ образный типъ сектанта и имѣлъ солидный успѣхъ. Изъ женскаго персонажа хороши были г-жи Любатовичъ и Арцыбушева. Не большую роль горничной

бойко провела молодая актриса г-жа Бураковская.

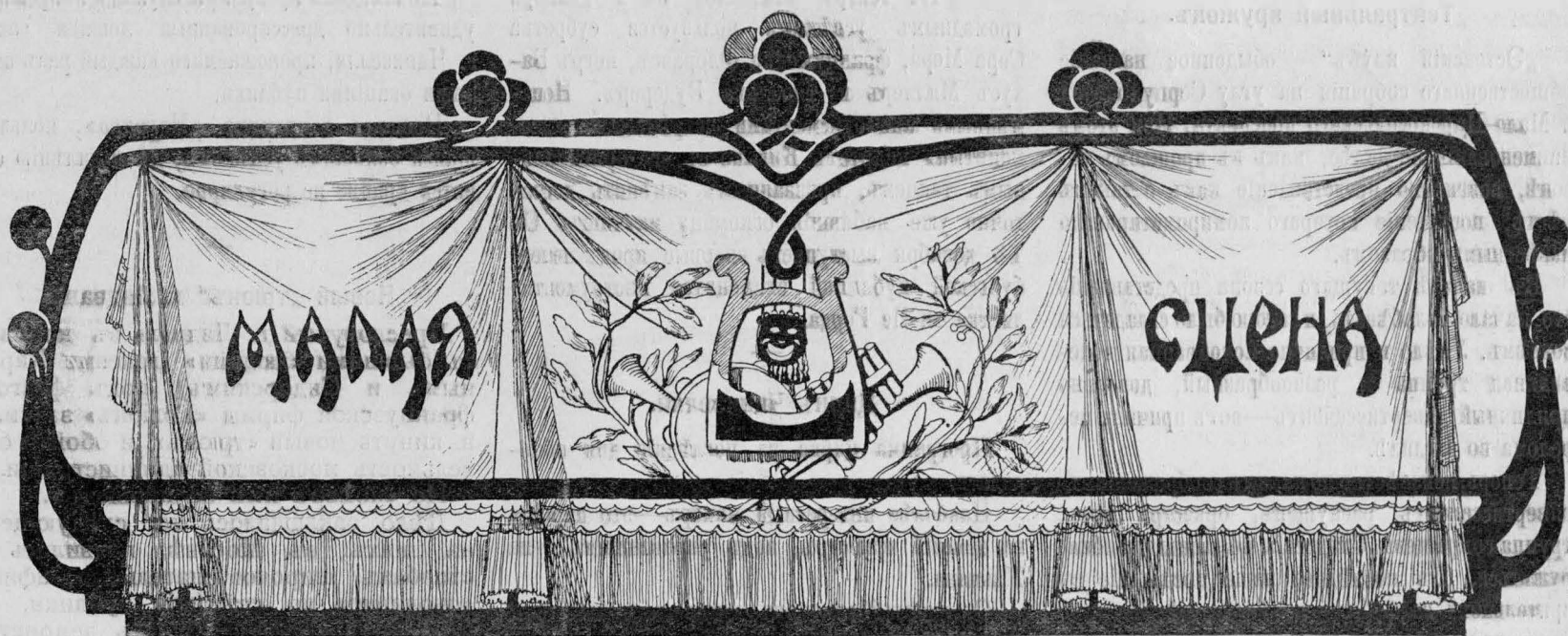
Спектакль далъ полный сборъ.

Нахичевань. Драматическая труппа г. Онѣгина, играющая въ городскомъ театрѣ привлекаетъ много публики, хотя составъ артистовъ ея не блещетъ большими именами. Положеніе премьера занимаетъ г. Лидипъ-Дубровскій — артистъ толковый, вполне оправдывающій свое назначеніе. Г. Прозоровскій мастеръ на всѣ роли. Заслуживаетъ вниманія г. Ивановъ, Костюковъ, Самаринъ, Волжскій и Дубровинъ. Женскій персоналъ слабѣе, и въ немъ чувствуется отсутствіе хорошей героини. Роли энженю-драматическія хорошо исполняютъ г-жи Чарова и Романовская. Симпатіями публики пользуются также г-жи Шадурская и Томашева; послѣдняя — начинающая артистка, но подающая надежды. Самъ г. Онѣгинъ ведетъ свое дѣло съ большимъ стараніемъ и на дняхъ онъ подаетъ заявленіе въ городскую управу о желаніи заарендовать театръ еще на 3 года.

Вильна. На дняхъ къ намъ пріѣзжаетъ малороссійская труппа Суслора на десять гастролей. Спектакли начнутся 10-го декабря, въ Желѣзнодорожномъ клубѣ. Въ городскомъ театрѣ дѣлаетъ прекрасные сборы драматическая труппа г. Мартова. Въ городскомъ залѣ подвизается польская труппа г-жи Матіевской, но сборовъ почти не дѣлаетъ. Въ Ботаническомъ Саду (дирекція г. Шумана) масса улучшеній (въ техническомъ отношеніи). Выстроена громадная веранда для открытой сцены. Обновляется составъ труппы.



«Рѣшительная борьба между г. Брешко-Брешковскимъ и Г. Лурихомъ». Шаржъ И. Грабовскаго.



КАФЕШАНТАННЫЕ СИЛУЭТЫ.

«Акулы»

Малороссійскій хоръ только что вышелъ изъ отдѣльнаго кабинета, въ которомъ кутила большая компанія «гостей». Раскрасившіяся, потныя хористки, уставшія отъ крика, взвизгиваній и «гопака», спѣшили къ уборнымъ. «Гости» были богатые, щедро угостили всѣхъ хористокъ, а пѣвцамъ изъ хора подарили по рублю на водку. Последней выходила изъ кабинета содержательница хора. Она оставалась тамъ для расчета съ «гостями», которые условились, что хоръ споетъ два раза за десять рублей. Анна Евгеньевна, невысокая, полная брюнетка съ горбатымъ носомъ, блѣднымъ обвисшимъ лицомъ и тусклыми глазами—производила впечатлѣніе типичной содержательницы хора, которая не брезгаетъ никакими средствами, чтобы сколотить деньгу на черный день. Дѣйствовала она въ этомъ отношеніи очень удачно: крупные брилліанты сверкали въ ея ушахъ, на полномъ сильно выдающемся впередъ бюстѣ горѣла крупная брошь, а пальцы были сплошь унизаны безчисленнымъ количествомъ колецъ. «Зарабатывать» представлялась полная возможность, а Анна Евгеньевна не теряла времени и давала полный ходъ всѣмъ средствамъ, которыя вели къ единственной цѣли ея жизни—обогащенію.

Сегодня, однако, Анна Евгеньевна была сильно не въ духѣ: во первыхъ, «гости» не оправдали ея надеждъ и вмѣсто условленныхъ десяти рублей, уплатили только половину, а дополучить остальную половину не представлялось никакой возможности. Это было ей неприятно конечно, но все же не такъ, какъ второе обстоятельство, которое было гораздо серьезнѣе, и неоправданнѣе.

— Шура,—обратилась она къ одной изъ хористокъ,—позови мнѣ Евгенію Михайловну...

Та сейчасъ же побѣжала въ залъ, гдѣ игралъ оркестръ и была эстрада, и перебѣгая отъ одной къ другой спрашивала:

— Гдѣ Евгенія Михайловна? Ты не видѣла Евгениі Михайловны? Какой Евгениі Михайловны?—спросила на ходу хористка, которую почему то называли «Комета».

— Да Евгенія Михайловна—распорядительница... Ну? Ахъ, Боже мой, да «Женя—барышня»!?

— А-а-а... «Женя-барышня»... Сидитъ за столикомъ у оркестра...

Шура бросилась по этому направленію и нашла въ указанномъ мѣстѣ распорядительницу хора, Евгению Михайловну, или «Женю-барышню», какъ ее обыкновенно называли за глаза.

— Васъ Анна Евгеньевна зоветъ,—сказала ей Шура.

Распорядительница, пожилая, крупная женщина съ рѣзкими чертами лица, на которомъ выдѣлялся переломанный по серединѣ носъ, быстро встала, захватила лежавшій на столѣ ридикюль, и мелкими шажками поспѣшила къ своей хозяйкѣ. На ея лицѣ отразилась озабоченность.

Хозяйка хора и ея правая рука, распорядительница—«Женя-барышня», встрѣтились у бассейна, который находился на лѣстницѣ.

— Ну, что?—спросила хозяйка.

Другая пожала плечами и развела руки...

— Я вамъ говорила,—сказала она,—я васъ предупреждала... Теперь съ ней ничего не подѣлаешь...

— Вы-бы ее уговорили,—снова сказала хозяйка послѣ небольшого молчанія.

— И слышать не хочетъ... Знаете, что она говорить? «Я, говорить, этой... «вынесла» за тотъ мѣсяцъ пятьсотъ рублей, а она с... мнѣ жалованья тридцать рублей не хочетъ заплатить. Не буду, говорить, больше у нея служить... Поступлю въ хоръ отъ конторы»...

Анна Евгеньевна была удручена.

Потерять чуть-ли не лучшую хористку, которая давала колоссальный доходъ, которую «гости» съ удовольствіемъ приглашали посидѣть съ собою въ кабинетѣ, которая всегда «выносила» и по десять и по двадцать пять рублей въ вечеръ—потерять такую хористку было для нея слишкомъ убыточно.

Она, конечно, уплатила-бы ей жалованье сполна, если-бы могла предположить, что изъ этого выйдетъ неприятность. Но Анна Евгеньевна вообще рѣдко платила жалованье, надеясь на то, что хористкѣ вполне достаточно однихъ «доходовъ», да и на то, что никто изъ нихъ не посмѣетъ требовать жалованья... На этотъ разъ она ошиблась...

Хорошенькая хористка «Дуся», дѣвочка шестнадцати-семнадцати лѣтъ, заартачилась и отказалась отъ службы.

«Я ей покажу, этой»...—кричала она по всему кафешантану, сильно опьянѣвшая, съ растрепанной прической и горящими отъ злости черными глазами.

Она шумѣла, рассказывала всѣмъ эту «исторію» и пачкала «незапятнанное» имя Анны Евгеньевны.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Театральный кружокъ.

„Эстонскій клубъ“ — обыденное названіе общественаго собранія на углу Серпуховской и Мало-Царскосельскаго проспекта. При этомъ наименованіи не далѣе, какъ въ прошломъ сезонѣ, возникало представленіе какъ о такомъ мѣстѣ, посѣщеніе котораго компрометировало извѣстнымъ образомъ.

Въ началѣ текущаго сезона представленіе это начало ослабѣвать, и готово было сгладиться совсѣмъ. Умѣло и прилично подобранная воде-вилъная труппа и разнообразный, довольно приличный дивертиссементъ—вотъ причина перелома во взглядѣ.

Теперь, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, дивертиссементъ распушенъ, оркестра нѣтъ, труппа сокращена. Слѣдствія незамедлили обнаружиться. Въ послѣднее наше посѣщеніе въ зрительномъ залѣ было не болѣе нѣсколькихъ десятковъ посѣтителей. Судя по первому впечатлѣнію въ гардеробной, народу не такъ было много. Гдѣ то жизнь была ключомъ, но увь, по прежнему... за зеленымъ полемъ.

Очевидно, рѣшено возвратиться къ старымъ пенатамъ.

Тѣмъ хуже для quasi-театральнаго кружка.

№ 7.

— Въ театрѣ «Аполло» съ 1 декабря громаднымъ успѣхомъ пользуется субретка Сера-Мора, французенка Флорансъ, негръ Бахусъ Миллеръ и тиролька Рудереръ. Неизмѣнными апплодисментами встрѣчается «знаменитый» квартетъ Кикапо съ его оригинальнымъ танцемъ, призваннымъ замѣнить достаточно уже набившій оскомину матчишъ. Съ 16 декабря выступаетъ впервые предъ петербургской публикой знаменитая инструменталистка m-lle Герда.

Циркъ Чинизелли.

Программа цирка за послѣдніе дни обновилась.

Наиболѣе интересный номеръ—это пародія на дамскій оркестръ, подъ управленіемъ г-на Ульмана.

Съ неослабѣвающимъ интересомъ смотрится номеръ Тилли Бебэ съ группой замѣчательно дрессированныхъ берберійскихъ львовъ.

Очень хороши четыре жокея, работающіе одновременно на одной лошади, и прекрасно выѣзженъ жеребецъ „Памфлеръ“ г. Джемса Филлисъ.

Большой успѣхъ имѣютъ дѣтская труппа Аллегри и замѣчательный китайскій кордебалетъ.

[Но гвсздемъ программы служатъ попрежнему удивительно дрессированныя лошади самаго г. Чинизелли, провожаемаго каждый разъ шумными оваціями публики.

Военная пантомима «Марокко», пользующаяся большимъ успѣхомъ, къ сожалѣнію ставится крайне не регулярно.

Новый „трюкъ“ г. Лидваля.

Пресловутый г. Лидваль въ компаніи съ бывшими «людьми» (лакеями Карлинымъ и Сидорскимъ), подъ флагомъ французской фирмы «Голіонъ» задумали въкинуть новый «трюкъ», и обойти бдительность московской администраціи.

Но «номеръ имъ не прошелъ».

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: на дняхъ, въ Москвѣ, появились на столбахъ широковыщательныя афиши, доводившія до свѣдѣнія публики, что въ театрѣ «Буффъ» будетъ демонстрироваться фирмой «Голіонъ» новый аппаратъ: «Хринозотофонъ» (кинемотографъ съ граммофономъ). Но зоркое око администраціи во время развѣдало, что это — новый «трюкъ» г. Лидваля.

Сеансы не состоялись.

Редакторъ-Издатель В. Т. Блохинъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

С Ц Е Н А и Ж И З Н Ъ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: С.-Петербургъ, Невскій пр. 66. (противъ Аничковскаго дворца).

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 11 ч. до 2 ч. дня. Телефонъ редактора 78—25.

Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 10 до 5 час. дня.

Рукописи безъ обозначенія гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Составъ редакціи: Н. В. Багровъ, В. Г. Блохинъ, Н. Н. Брешко Брешковскій, В. В. Брусянинъ, А. З. Бураковскій, Н. Г. Васильевъ, П. П. Вейнбергъ, И. М. Грабовскій, (художникъ), А. А. Грунинъ, Н. П. Димоль (псевдонимъ), А. П. Денисьевъ (псевдонимъ), С. М. Интролигатинъ, Е. А. Койранскій, А. Де-Ла-Гардъ (иностр. отд.), Нелли (псевдонимъ), академикъ А. И. Новосколицевъ, Владимиръ Омутъ (псевдонимъ), И. О. Порфиоровъ (художникъ), М. И. Разсудовъ (артистъ), Лавръ Пуговишниковъ (Шатовъ), Д. И. Ратгаузъ, А. Скиргелло (художникъ), Свенгали (псевдонимъ), А. К. Эберлингъ (художникъ), Н. М. Энефъ (корреспонденціи изъ Лондона) и др.

Подписная цѣна: на 1 годъ—8 руб., на 1/2 года 4 руб. и на 3 мѣсяца—2 руб. Цѣна №№ въ розничной продажѣ 20 коп. Въ провинцію отдѣльные №№ высылаются за три семикопѣчныя марки. Для артистовъ, лицъ причастныхъ къ сценѣ и годовыхъ подписчиковъ справки, помѣщеніе адресовъ и объявленія (по предложенію труда) не болѣе 5 стр. въ каждомъ №-рѣ—**бесплатно**.

Пріемъ подписки и объявленій въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Петербургѣ.

1. Московскій книжный магазинъ «Трудъ», Невскій, 60.
2. Книжный и художественный маг. «Народное Благо», Невскій, 50.
3. Театральная площадь, д. № 4. Типографія Ц. Крайза.

Въ Москвѣ.

Центральная экспедиція главной конторы газеты «Русь». Тверская, Казицкій пер., д. Бахрушина.

Въ Одессѣ.

Берпартъ Бродскій. Отель «Викторія».

Въ Кіевѣ.

Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Югансона.

- 1) Уг. Крещатика и Прорѣзной № 1.
- 2) Крещатикъ, д. № 41.
- 3) Главн. Конт. и Экспед.—Татарск. с. д. №№ 35—37—39.

Въ Харьковѣ.

Театральн. агентъ В. Филипсъ.
Южно-русс. книгоизд. Ф. Д. Югансона. Московская ул. д. 23.

Въ Екатеринославѣ.

Театральн. агентъ И. А. Сокольскій.

Въ Вильнѣ.

И. П. Лунашко. Артистическая контора. Ботаническая ул., д. Черновскаго.

Для заграницы:

Export-Bureau. J. Feinstein. Berlin. N. W. 52. Thomasius-Strasse.

Розничная продажа во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, въ кіоскахъ Пташнікова и у артельныхъ газетчиковъ.